

ВЛАД ГЕНДЕЛЕВ

СОЗВЕЗДИЕ БОЛЬШОГО ПСА

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ДЕТЕКТИВ

ЛЮДИ
ПРОВОДЯТ
ЛИНИИ.
ЗВЁЗДЫ
ОСТАЮТСЯ.

*Иногда правда
лежит не между звёздами,
а между людьми.*

ДЕЛО №
СИРИУС

SIRIUS
CANIS MAJOR

РОМАН

Влад Генделев

Созвездие Большого Пса

<https://litres.ru/74421708>

SelfPub; 2026

Аннотация

Известного московского адвоката находят убитым в собственном загородном доме. Открытое окно, следы под дождём — и странный рисунок на столе: семь точек, соединённых в созвездие Большого Пса.

Что хотел сказать погибший? Почему одна из точек отмечена особо? И какое отношение к убийству имеет дом, сгоревший много лет назад?

Расследование уводит Клима Фрязина всё дальше в прошлое, где почти каждый что-то скрывает, а случайные совпадения начинают складываться в пугающе убедительную картину.

Но иногда самая опасная улика — та, которой мы сами придаём смысл.

И чтобы увидеть убийцу, Фрязину придётся понять: какие линии существуют на самом деле, а какие он провёл сам

Влад Генделев

Созвездие Большого Пса

ПРОЛОГ

Семь точек

«Иногда несколько точек становятся рисунком только потому, что кто-то решил провести между ними линии».

Дождь начался после девяти.

Сначала он едва слышно шуршал по крыше веранды, потом усилился и застучал по стеклянному козырьку над крыльцом. В свете садовых фонарей капли летели наискось, и за ними постепенно исчезали деревья, дорожка, дальний край участка. Дом словно отделился от остального мира.

В кабинете было тепло.

Глеб Аркадьевич Ромашин сидел за письменным столом, сняв пиджак и ослабив галстук. Перед ним лежали раскрытая папка, несколько листов с печатным текстом и старый конверт из плотной пожелтевшей бумаги. Рядом стояла чашка давно остывшего кофе.

Ромашин уже несколько минут не читал.

Он смотрел на лист бумаги, лежавший отдельно от остальных.

На нём были нарисованы семь точек.

Некоторые он соединил тонкими линиями, потом остановился, словно засомневался, провёл ещё одну линию и отложил ручку.

За дверью слышались шаги.

Ромашин быстро накрыл рисунок раскрытой папкой.

В дверь постучали.

— Да.

Вошла Нелли Яковлевна Шафран. Она остановилась на пороге и привычным взглядом окинула кабинет.

— Глеб Аркадьевич, я хотела спросить, подавать чай в гостиную или вы сегодня уже ничего не будете?

— Ничего не надо, Нелли Яковлевна. Спасибо.

Она посмотрела на чашку.

— Кофе совсем холодный. Я могу принести свежий.

— Не стоит. Я скоро закончу.

Нелли Яковлевна не ушла.

Ромашин поднял глаза.

— Что-то ещё?

— Нет. Просто вы с самого обеда почти ничего не ели.

— Это временно.

— У вас всё временно. Обед временно, сон временно, выходные временно. Потом люди удивляются, почему у них сердце не временное.

Ромашин улыбнулся.

— Убедительно.

— Но бесполезно.

— Совершенно бесполезно.

Она покачала головой.

— Хорошо. Тогда я на кухне.

— Нелли Яковлевна.

Она уже взялась за ручку двери.

— Да?

— Если кто-нибудь придет, скажите сначала мне.

Шафран удивилась.

— Вы кого-то ждёте?

Ромашин чуть помедлил.

— Возможно.

— В такую погоду?

— Погода иногда помогает людям решиться на то, на что они долго не решались.

Нелли Яковлевна посмотрела на него внимательнее.

— Глеб Аркадьевич, у вас неприятности?

— У адвокатов всегда неприятности. Просто чаще всего чужие.

— А сегодня?

Он снова улыбнулся, но теперь улыбка получилась усталой.

— Сегодня я ещё не разобрался.

Нелли Яковлевна вышла.

Ромашин дождался, когда шаги стихнут, и снова открыл папку.

Семь точек.

Он провёл пальцем по одной из них, потом по другой.

За окном вспыхнула молния.

Гром пришёл через несколько секунд — глухой, далёкий.

Ромашин взял ручку и возле одной точки сделал маленькую отметку. Подумал и зачеркнул её.

Телефон на столе завибрировал.

Он посмотрел на экран.

Несколько секунд не двигался.

Потом ответил.

— Да.

Он слушал молча.

— Я дома.

Снова пауза.

— Нет, по телефону я это обсуждать не буду.

Голос в трубке говорил довольно долго. Ромашин откинулся на спинку кресла.

— Я прекрасно понимаю, что это означает.

Он снова слушал.

— Нет. Именно поэтому.

На этот раз пауза была короче.

— Приезжайте.

Он отключил телефон и положил его экраном вниз.

Потом встал и подошёл к окну.

Дом стоял на краю небольшого старого посёлка, который давно перестал быть дачным. Деревянные дома исчезали один за другим, уступая место каменным особнякам,

высоким заборам и автоматическим воротам. Но несколько больших сосен ещё оставались, и в ненастные вечера Ромашины иногда казалось, что за ними всё ещё начинается тот прежний лес, который он помнил с детства.

В стекле отражался кабинет.

Книжные шкафы.

Лампа.

Стол.

И он сам.

На мгновение Ромашину показалось, что в отражении за его спиной что-то шевельнулось.

Он резко обернулся.

Дверь кабинета была закрыта.

Несколько секунд он смотрел на неё.

Потом усмехнулся.

— Прекрасно.

Он вернулся к столу.

В половине десятого приехал первый гость.

Ромашин услышал, как во дворе остановилась машина, затем хлопнула дверь. Через минуту из холла донеслись голоса.

Один принадлежал Нелли Яковлевне.

Второй Ромашин узнал сразу.

Он вышел из кабинета.

Разговор в гостиной продолжался около двадцати минут.

Нелли Яковлевна позже вспоминала, что сначала они го-

ворили спокойно. Потом голоса стали громче, хотя отдельных слов она разобрать не смогла. Один раз Ромашин рассмеялся. Смех был коротким и неприятным.

После этого снова стало тихо.

Гость ушёл.

Через некоторое время приехал второй.

Потом третий.

Никто из них не задерживался надолго.

Дом жил странной вечерней жизнью: открывалась входная дверь, в прихожую вместе с людьми врвался холодный влажный воздух, звучали приглушённые голоса, затем снова наступала тишина.

Нелли Яковлевна перестала удивляться.

В одиннадцать она поставила на кухонный стол чашку чая и включила маленький телевизор, почти убрав звук.

Последнего посетителя она не видела.

Позже она будет совершенно уверена в этом.

Но уверенность — одна из самых ненадёжных вещей, когда человек пытается восстановить прошлое.

Около половины двенадцатого Нелли Яковлевна услышала голос Ромашина.

Он говорил в кабинете.

Спокойно.

Потом второй голос ответил ему.

Тише.

Шафран машинально посмотрела в сторону коридора.

Она не могла разобрать слов.

Разговор продолжался несколько минут.

Потом Ромашин сказал громче:

— Нет. Этого я делать не буду.

Последовал ответ, которого Нелли Яковлевна не разобрала.

— Потому что слишком поздно.

Ещё несколько слов.

Затем Ромашин произнёс:

— Завтра утром всё закончится.

Нелли Яковлевна поднялась.

Ей почему-то захотелось пройти к кабинету, но она остановилась. За годы работы в доме Ромашиных она хорошо усвоила одну вещь: Глеб Аркадьевич не любил, когда кто-либо невольно становился свидетелем его разговоров.

Она снова села.

Через несколько минут хлопнула дверь.

Шафран решила, что посетитель ушёл.

Телевизор показывал старый фильм. Она смотрела на экран, почти не понимая происходящего.

Дождь продолжался.

В доме стало необычно тихо.

Через некоторое время Нелли Яковлевна посмотрела на часы.

Ромашин не выходил.

Она подождала ещё.

Потом встала.

Коридор был пуст.

Дверь кабинета оказалась приоткрыта.

— Глеб Аркадьевич?

Ответа не было.

Она толкнула дверь.

Сначала Нелли Яковлевна увидела перевернутое кресло.

Потом разбитую чашку возле книжного шкафа.

И только после этого — Ромашина.

Он лежал между столом и окном, на боку, немного подтянув ноги, словно попытался подняться и не смог.

На ковре темнела кровь.

Шафран замерла.

Она не закричала.

Почему-то первым её движением было прижать ладонь к орту.

Потом она сделала шаг назад.

Ещё один.

И только тогда заметила раскрытое окно.

Занавеска двигалась от ветра.

На паркет возле подоконника попадали капли дождя.

Нелли Яковлевна выбежала в коридор.

Телефон дважды выскользнул у неё из рук, прежде чем она сумела набрать номер.

Полиция приехала быстро.

Дом наполнился людьми, голосами, светом. Нелли Яко-

влевну усадили в гостиной и несколько раз просили рассказать, что произошло. Она путалась, возвращалась назад, вспоминала приезжавшие машины, разговоры, хлопавшие двери.

К кабинету её больше не подпускали.

Один из полицейских стоял возле входа.

Второй фотографировал комнату.

Эксперт работал возле тела.

На первый взгляд всё выглядело почти очевидно.

Убийца мог уйти через окно.

Под ним была мокрая земля.

На ней обнаружили следы.

В кабинете произошла короткая борьба.

Ничего ценного, насколько удалось установить сразу, не исчезло.

Телефон Ромашина лежал на столе.

Бумаги были разбросаны.

Одна папка упала на пол.

Под ней оказался белый лист.

Молодой оперативник поднял его за край в перчатке.

— Это что?

Эксперт обернулся.

На листе было семь точек, соединённых несколькими линиями.

— Не трогайте. Положите обратно.

— Похоже на схему.

— Значит, будет схемой.

Лист поместили в прозрачный пакет вместе с остальными бумагами.

Никто не придавал ему особого значения.

Пока эксперт осматривал окно, другой сотрудник вышел на веранду и направил фонарь вниз.

— Следы есть.

— Куда идут?

— К забору.

Он прошёл дальше.

Следы быстро терялись в траве.

У забора обнаружилась грязь на нижней перекладине и сломанная ветка кустарника.

Картина становилась всё понятнее.

Кто-то пришёл к Ромашину.

Они поссорились.

Ромашин был убит.

Убийца выбрался через окно, пересёк участок и ушёл через забор.

Простая последовательность.

Почти законченная история.

В кабинете эксперт тем временем приблизился к окну.

Он долго смотрел на подоконник.

Потом наклонился.

Провёл лучом фонаря вдоль рамы.

Вернулся к телу.

Снова посмотрел на окно.

— Что там? — спросил оперативник.

Эксперт не ответил.

Он подошёл к столу и посмотрел на прозрачный пакет с листом.

Семь точек.

Тонкие линии.

Одна из точек была темнее остальных.

Эксперт нахмурился.

— Когда следователь приедет?

— Уже едет.

— Кто?

Оперативник посмотрел сообщение в телефоне.

— Фрязин.

Эксперт кивнул и снова повернулся к раскрытому окну.

Дождь понемногу стихал.

За облаками появилась узкая полоса чистого ночного неба.

На ней были видны всего несколько звёзд.

Никто в доме пока не знал, что семь точек на листе скоро окажутся важнее распахнутого окна, следов под ним и почти всех слов, которые прозвучали здесь этим вечером.

И никто ещё не понимал, что самая большая ошибка начавшегося расследования будет состоять не в том, что следователи чего-то не заметят.

Они заметят почти всё.

Ошибка будет в другом.

Они слишком рано решат, какие точки следует соединить.

ГЛАВА I

Окно в дождь

«Самая удобная версия опасна не потому, что она обязательно ложна. Опасно то, как быстро человек перестает искать другую.»

Дождь закончился незадолго до приезда Фрязина.

Он ещё держался в воздухе мелкой водяной пылью, блесстел на листьях, собирался на краях водосточных труб и тяжёлыми каплями падал на гравий. Небо над посёлком постепенно светлело, хотя до рассвета оставалось достаточно времени.

Клим остановил машину у открытых ворот и несколько секунд не выходил.

Дом был большим, двухэтажным, с широкой верандой и тёмной крышей. Ничего зловещего в нём не было. Обычный дорогой загородный дом, каких вокруг Москвы становилось всё больше: старые сосны, новый камень, высокий забор, аккуратная дорожка, свет в нескольких окнах.

Только возле ворот стояла полицейская машина, а за стеклом первого этажа время от времени проходили люди.

Клим взял куртку с соседнего сиденья и вышел.

У крыльца его встретил Савелий Мезенцев.

— Доброе утро, если это можно так назвать.

— Пока нельзя.

— Я тоже так решил.

Мезенцев выглядел так, словно был здесь давно и уже успел несколько раз изменить мнение о случившемся. Высокий, немного сутулый, с коротко стриженными седыми волосами, он держал в одной руке телефон, в другой — бумажный стаканчик.

— Кофе? — спросил он.

— Если настоящий.

— Тогда нет.

Клим посмотрел на дом.

— Кто погиб?

— Глеб Аркадьевич Ромашин. Пятьдесят семь лет. Адвокат. Причём не из тех, кто составляет договоры аренды и спорит с соседями из-за забора. Большая практика, серьёзные клиенты, партнёр в московской фирме. Деньги есть. Репутация тоже была.

— Была?

— Я осторожный человек. После убийства репутацию лучше проверять заново.

Клим взглянул на него.

— Давно ты здесь?

— Чуть больше часа.

— И уже философствуешь.

— Это от кофе.

Они поднялись на крыльцо.

В прихожей пахло мокрой одеждой, деревом и чем-то сладковатым, домашним. На вешалке висело несколько плащей. Возле стены стояли женские туфли, мужские ботинки, пара резиновых сапог. На небольшом столике лежали ключи, перчатки и раскрытый футляр для очков.

Мезенцев заметил взгляд Клима.

— В доме живут трое. Ромашин, жена и женщина, которая ведёт хозяйство. Сын отдельно.

— Жена где?

— Наверху. Врач дал успокоительное. Пока толком не разговаривали.

— Кто нашёл тело?

— Нелли Яковлевна Шафран. Управляющая, домработница, экономка — называй как хочешь. Работает у них больше десяти лет. Сейчас в гостиной.

Клим снял куртку.

— Тело не трогали?

— Рейнгардт уже работает.

— Тогда сначала кабинет.

Они прошли по коридору.

Возле двери стоял сотрудник полиции. Клим надел перчатки и остановился на пороге.

Первое впечатление подталкивало к простой версии: убийца пришёл извне, напал внезапно и ушёл тем же путём,

оставив после себя открытое окно и следы в мокрой земле.

Комната выглядела так, словно здесь произошла короткая, внезапная драка.

Кресло возле стола опрокинуто. На полу осколки чашки. Несколько листов бумаги разбросаны между столом и книжным шкафом. Один стул немного отодвинут от стены.

Ромашин лежал возле окна.

Элина Борисовна Рейнгардт сидела рядом на корточках. Услышав шаги, она подняла голову.

— Наконец-то.

— Я тоже рад вас видеть.

— Вы всегда рады видеть меня исключительно возле трупов.

— В других местах мы почему-то не встречаемся.

— Это можно исправить.

Мезенцев посмотрел на Клима.

— Я давно говорю, что у тебя слишком насыщенная личная жизнь.

Рейнгардт сняла одну перчатку.

— Если вы закончили, можете подойти.

Клим приблизился.

Глеб Ромашин лежал на правом боку. На рубашке темнело большое пятно крови.

— Причина?

— Предварительно один удар узким клинком в грудь. Возможно, нож. Возможно, что-нибудь похожее. Окончательно

скажу после вскрытия.

— Один удар?

— Пока вижу один.

— Смерть быстрая?

— Достаточно. Но не мгновенная. Несколько секунд он вполне мог двигаться.

Клим присел.

— Защищался?

— Явных повреждений на руках пока не вижу. Это интересно, но не уникально. Мог не ожидать удара.

— Время смерти?

Рейнгардт посмотрела на него.

— Даже не начинай.

Клим улыбнулся.

— Я спросил из вежливости.

— Вот и оставайся вежливым. Ночью. Более точно скажу потом.

— Меня устраивает.

Пока медицинская картина давала только опорные точки: один близкий удар, отсутствие явной защиты и несколько секунд, в которые Ромашин ещё мог двигаться.

— Неужели взрослеешь?

— Просто научился не спрашивать у эксперта то, чего эксперт ещё не знает.

— Тогда действительно взрослеешь.

Клим поднялся.

Окно было открыто почти полностью.

Белая занавеска едва двигалась от сквозняка. На паркете под окном виднелись тёмные пятна воды.

— Его открыли после обнаружения тела?

Мезенцев покачал головой.

— Шафран утверждает, что таким и увидела.

Клим подошёл ближе.

За окном начинался участок. Газон, несколько кустов, дальше — деревья и забор.

— Следы?

— Есть. Уже сняли. Под окном, дальше через газон, потом возле забора. Кто-то перелезал.

— Кто-то?

— Именно. Пока не знаю кто.

Клим посмотрел на него.

— Мне сказали, что ты осторожный человек.

— Я быстро учусь.

Клим наклонился к подоконнику.

На внешней стороне лежали несколько мокрых листьев. На внутренней — отдельные капли воды.

Он не касался рамы.

— Что тебя здесь не устраивает? — спросил Мезенцев.

— Пока всё устраивает.

— Это звучит тревожно.

Клим выпрямился.

— Кто решил, что убийца ушёл через окно?

— Никто. Но следы начинаются под ним.

— Это я вижу.

— И идут к забору.

— Это ты уже говорил.

Мезенцев поставил стаканчик на свободный край шкафа.

— Тогда сформулирую осторожнее. Незнакомый человек оказался под этим окном, прошёл через мокрый участок и перелез через забор.

— Вот теперь хорошо.

— Но тебе этого мало.

— Мне всегда мало.

Клим снова посмотрел наружу.

Земля под окном была размокшей. Человек, прыгнувший туда, неизбежно должен был испачкаться.

Он перевёл взгляд на паркет.

Потом на ковёр.

Потом опять на окно.

— Савелий.

— Да?

— Человек вошёл через окно или вышел?

— Следы пока выглядят как выход.

— Я спрашиваю не про следы.

Мезенцев подошёл.

Несколько секунд оба молчали.

— На полу грязи нет, — наконец сказал он.

— Есть вода.

— Дождь занёс.

— Именно.

Мезенцев присел возле окна.

— Если он вошёл через окно, натоптал бы.

— Скорее всего.

— Значит, вышел.

Клим посмотрел на него.

— Или вообще не был в комнате.

Мезенцев поднялся.

— Началось.

— Что?

— Твои любимые сложности.

— Пока никакой сложности. Есть следы под окном. Мы ещё не знаем, имеют ли они отношение к убийству.

— Они появились ночью во время дождя.

— Хорошо.

— И кто-то перелез через забор.

— Прекрасно.

— Ты специально меня раздражаешь?

— Нет. Я просто не хочу, чтобы человек, который перелез через забор, автоматически стал человеком, который убил Ромашина.

Рейнгардт, продолжавшая работать возле тела, не оборачиваясь, произнесла:

— Поддерживаю.

Мезенцев посмотрел на неё.

— Вас никто не спрашивал.

— Поэтому моё мнение особенно ценно.

Клим подошёл к столу.

На нём лежали телефон, ноутбук, несколько папок и письменные принадлежности.

— Телефон смотрели?

— Поверхностно. Последний входящий звонок около девяти вечера. Дальше будем поднимать детализацию.

— Кто звонил?

— Номер записан. Пока не проверяли.

Клим кивнул.

Рядом с телефоном лежал прозрачный пакет.

Внутри находился лист бумаги.

Семь точек.

Клим взял пакет.

— Это где было?

— На полу под папкой.

Он повернул лист.

Семь чёрных точек разного размера соединялись несколькими линиями. Рисунок казался незавершённым.

— Почерк его?

— Пока неизвестно.

Клим некоторое время рассматривал бумагу.

— Что думаешь?

Мезенцев пожал плечами.

— Схема.

— Чего?

— Если бы я знал, не называл бы её просто схемой.

— Разумно.

Одна точка была заметно темнее остальных.

Возле неё виднелся маленький зачёркнутый штрих.

— Фотографировали в первоначальном положении?

— Конечно.

Клим положил пакет обратно.

— Пока отдельно.

— Думаешь, важно?

— Думаю, что человек зачем-то нарисовал семь точек.

— Может, ребёнок.

— В доме нет детей.

— Ромашин мог рисовать во время телефонного разговора. Я иногда целые города строю.

— Ты рисуешь?

— Ужасно.

— Тогда не исключено.

Мезенцев усмехнулся.

Клим продолжил осмотр.

На столе лежала раскрытая папка. В ней находились копии документов, несколько распечатанных электронных писем и лист с пометками.

— Что за дело?

— Пока не знаю. Юридические бумаги.

— Это я догадался.

— Ромашин адвокат. Было бы странно найти здесь ветеринарный справочник.

— Не исключай версии раньше времени.

Клим перевернул один лист.

Названия компаний ему ничего не говорили.

— Всё забираем. Но сначала полностью фотографируем расположение.

— Уже.

Клим прошёл вдоль книжных шкафов.

Книги стояли аккуратно. Юридическая литература, история, биографии, несколько полок художественной прозы. На нижней полке — старые фотоальбомы.

Ничего не было выдвинуто или явно потревожено.

— Деньги, ценности?

— Бумажник при нём. Часы тоже. В доме пока ничего пропавшего не обнаружили.

— Значит, не обычное ограбление.

— Или обычное ограбление, которое пошло настолько плохо, что грабитель забыл ограбить.

— Такое бывает.

— Бывает.

Клим вернулся к телу.

— Элина Борисовна, положение тела естественное?

Рейнгардт задумалась.

— Вопрос слишком широкий.

— Его передвигали?

— Пока не вижу признаков. Падение соответствует ранению. Вероятно, после удара он сделал несколько движений, попытался удержаться или подняться. Точнее после исследования.

— Удар нанесён здесь?

— Вероятнее всего.

— Стоя?

— Вероятно.

— Лицом к убийце?

Рейнгардт подняла на него глаза.

— Вот этого я тебе сейчас не скажу.

— Почему?

— Потому что ты потом построишь красивую версию, а завтра мне придётся её разрушать.

— Я переживу.

— А я не хочу тратить время.

Клим улыбнулся.

— Хорошо. Жду вскрытия.

Он ещё раз осмотрел комнату целиком.

Что-то его беспокоило.

Не конкретная улика.

Скорее общая картина.

Открытое окно.

Следы.

Перевернутое кресло.

Разбитая чашка.

Слишком много предметов сразу складывались в одну удобную последовательность: вошёл, поссорился, ударил, ушёл через окно.

Слишком много вещей сразу рассказывали одну и ту же историю.

— Кто был здесь вечером? — спросил он.

Мезенцев достал телефон.

— Вот тут становится веселее.

— Насколько?

— Шафран утверждает, что приезжали как минимум три человека. Возможно, четыре.

Клим повернулся.

— Возможно?

— Последнего она не видела. Только слышала разговор из кабинета.

— Мужчина или женщина?

— Не уверена.

— Кто остальные?

— Первый — Арсений Викторович Тарлецкий, сосед и давний знакомый. Второй — Инга Робертовна Верницкая, бывшая клиентка Ромашина. Третий — Матвей Олегович Касьянов, его партнёр по фирме.

Клим посмотрел на тело.

— Хороший вечер у него был.

— И это ещё не всё.

— Продолжай.

— Сын утверждает, что сюда не приезжал.

— А почему ты включил его в рассказ?

— Потому что его машина вечером была неподалёку.

— Кто видел?

— Сосед.

— Надёжно?

— Проверим.

Клим кивнул.

— Жена?

— Лидия Марковна говорит, что большую часть вечера провела наверху.

— Слышала гостей?

— Некоторых.

— Спускалась?

— По её словам, нет.

Клим немного помолчал.

— Получается, половина знакомых Ромашина решила приехать к нему именно в вечер убийства.

— Поэтому я и сказал, что становится веселее.

— Не люблю весёлые убийства.

— Я тоже.

Клим снова посмотрел на рисунок.

Семь точек.

— Последний разговор Шафран слышала когда?

— Незадолго до того, как нашла тело.

— Что слышала?

— Несколько фраз Ромашина. Самая отчётливая: «Завтра утром всё закончится».

Клим повернулся к Мезенцеву.

— А второй человек?

— Говорил тихо. Она не разобрала.

— Но уверена, что человек был?

— Уверена.

— Вот с этого и начнём.

К этому моменту у Клима было три отдельные задачи: проверить окно как возможную инсценировку, установить всех вечерних посетителей и понять, почему перед смертью Ромашин держал рядом лист с семью точками.

Они вышли из кабинета.

В гостиной горела одна настольная лампа. Нелли Яковлевна Шафран сидела на диване, держа обеими руками чашку. Чай давно остыл, но она, кажется, этого не замечала.

Увидев мужчин, она поставила чашку на стол.

Клим сел напротив.

— Нелли Яковлевна, меня зовут Клим Фрязин. Я буду заниматься этим делом.

Она кивнула.

Лицо у неё было усталым, но собранным.

— Мне уже задавали вопросы.

— Знаю. Поэтому не буду просить вас рассказывать всё сначала.

Она посмотрела на него с благодарностью.

— Хорошо.

— Мне сейчас нужно только понять один момент. Вы слышали, как Глеб Аркадьевич разговаривал с кем-то в кабинете?

— Да.

— Вы видели этого человека?

— Нет.

— Но уверены, что голос был не из телефона?

Шафран задумалась.

— Я об этом уже думала.

— И?

— Телефонный разговор звучит иначе.

— Почему?

— Потому что человек делает паузы. Ждёт ответа. А там... они перебивали друг друга.

Клим посмотрел на Мезенцева.

— Вы слышали слова второго человека?

— Нет. Только голос.

— Мужской?

Она медленно покачала головой.

— Я сначала сказала полицейскому, что мужской. Теперь не уверена. Я была на кухне, телевизор работал, дождь шумел. Голос был тихий.

— Хорошо. Не пытайтесь вспоминать то, чего не слышали.

Нелли Яковлевна посмотрела на него внимательнее.

— Обычно меня как раз заставляют вспоминать.

— Это плохой способ получать правду.

Она немного помолчала.

— Глеб Аркадьевич сказал: «Нет. Этого я делать не буду».

Потом ещё что-то. Потом: «Потому что слишком поздно». И в конце — что завтра утром всё закончится.

— Именно «всё закончится»?

— Да.

— Не «мы закончим»? Не «я закончу»?

— Нет. «Всё закончится».

— Что было потом?

— Через несколько минут хлопнула дверь.

— Какая?

— Я решила, что входная.

— Решили или слышали именно её?

Нелли Яковлевна нахмурилась.

— Не знаю.

— Это важно.

— Я понимаю.

— Не старайтесь сейчас подобрать правильный ответ.

Просто вспомните звук.

Она закрыла глаза.

Мезенцев молчал.

Через несколько секунд Шафран открыла глаза.

— Нет. Я не могу сказать точно. Просто дверь.

— Хорошо.

— Потом стало тихо.

— И вы пошли в кабинет.

— Не сразу. Минут через...

Она остановилась.

Клим поднял ладонь.

— Время пока не нужно. Вы подождали какое-то время и пошли?

— Да.

— Дверь кабинета?

— Приоткрыта.

— Обычно Глеб Аркадьевич держал её закрытой?

— Когда работал — почти всегда.

— Окно?

— Открыто.

— До этого оно было открыто?

Нелли Яковлевна посмотрела на него.

— Нет.

— Вы уверены?

— Абсолютно.

— Почему?

— Потому что я сама закрыла его перед дождём.

Клим чуть подался вперёд.

— Когда?

— Ещё вечером, до приезда гостей. Начало капать, я прошла по комнатам. В кабинете Глеб Аркадьевич сидел за столом. Я сказала, что будет дождь, и закрыла окно.

— Он потом мог открыть его сам?

— Конечно.

— Он часто открывал окно во время дождя?

Шафран впервые едва заметно улыбнулась.

— Глеб Аркадьевич мог делать странные вещи, но мокрый паркет не любил.

Клим откинулся на спинку кресла.

— Спасибо. Пока достаточно.

Она посмотрела в сторону кабинета.

— Вы найдёте того, кто это сделал?

Вопрос прозвучал спокойно, почти буднично.

Клим не ответил сразу.

— Сначала мне нужно понять, что здесь произошло.

— Разве это не одно и то же?

— Не всегда.

Он поднялся.

В коридоре Мезенцев тихо сказал:

— Окно тебе нравится всё меньше.

— Наоборот. Очень нравится.

— Почему?

— Потому что оно слишком старается.

Мезенцев посмотрел на него.

— Иногда я жалею, что спрашиваю.

Они вернулись в кабинет.

Рейнгардт уже собирала инструменты.

Клим подошёл к окну ещё раз.

Снаружи постепенно светлело.

Мокрый участок был хорошо виден. Следы действительно начинались почти под самым окном и уходили через газон.

Клим смотрел на них долго.

Потом перевёл взгляд на внутренний подоконник.

— Савелий.

— Что ещё?

— Найди обувь всех, кто находился в доме после начала дождя. Ромашина, его жены, Шафран. И отдельно — тех, кто приезжал вечером.

— Думаешь сравнивать со следами?

— Конечно. Но не только.

— А что ещё?

Клим указал на паркет.

— Если человек только вышел через окно, всё просто.

— А если вошёл?

— Тогда он должен был принести сюда улицу.

Мезенцев посмотрел на чистый пол.

— Но не принёс.

— Именно.

— Значит, убийца находился в доме и после убийства вышел через окно.

— Возможно.

— Ты сейчас опять скажешь, что это только версия?

— Конечно.

Мезенцев вздохнул.

— Хорошо. Какая ещё?

Клим посмотрел наружу.

— Что через окно вообще никто не выходил.

Мезенцев замолчал.

— Следы, Клим.

— Я их вижу.

— Они начинаются под окном.

— Я тоже это вижу.

— Тогда как?

Фрязин покачал головой.

— Пока не знаю.

Он отошёл от окна и снова взял прозрачный пакет с рисунком.

Семь точек.

Несколько линий.

Тёмная отметка.

На этот раз Клим рассматривал лист дольше.

— Савелий, тебе это ничего не напоминает?

Мезенцев подошёл.

— Я уже сказал. Схему.

— Кроме схемы.

— Детский рисунок.

— Кроме детского рисунка.

— План рассадки очень маленькой свадьбы.

Клим усмехнулся.

— Полезный человек.

— Стараюсь.

Фрязин повернул лист немного вправо. Потом влево. Ничего.

— Отправь фотографию ребятам. Пусть проверят, не похоже ли на логотип, схему объекта, условное обозначение. Без фанатизма.

— А сам что думаешь?

— Пока ничего.

Он вернул пакет. Это было неправдой. Одна мысль у него уже появилась. Очень слабая.

Настолько неопределённая, что произносить её вслух не имело смысла.

Он когда-то видел похожее расположение точек.

Где именно, вспомнить не мог. На карте? В книге? На каком-то рисунке?

Клим подошёл к столу Ромашина и посмотрел на бумаги.

— Завтра утром всё закончится, — негромко повторил он.

— Что?

— Ничего.

Мезенцев прислонился к шкафу.

— С чего начинаем?

— С людей.

— Тарлецкий, Верницкая, Касьянов?

Первая линия была практической: мотивы и алиби живых людей следовало проверять быстрее, чем старую символику

на странном рисунке.

— Со всех. Но сначала выясним, зачем они приехали.

— Они нам расскажут.

Клим посмотрел на него.

— Конечно.

— Не веришь?

— Верю. Каждый расскажет совершенно правдивую историю.

— Это плохо?

Фрязин снова посмотрел на семь точек.

— Иногда хуже лжи.

За окном окончательно рассвело.

Ночное небо исчезло, и вместе с ним пропали последние звёзды.

Клим этого не видел.

Он смотрел на лист бумаги и пытался вспомнить, где уже встречал такой рисунок.

Ответ находился совсем близко.

Но пока семь точек оставались просто семью точками.

ГЛАВА II

Человек, который ничего не скрывал

«Ложь редко начинается с выдумки. Гораздо чаще она начинается с тщательно выбранной части правды.»

Матвей Олегович Касьянов приехал сам.

Это понравилось Мезенцеву и не произвело никакого впечатления на Фрязина.

— Добровольно явившийся человек всегда вызывает у тебя подозрения? — спросил Савелий, когда им сообщили, что партнёр Ромашина ждёт внизу.

— Нет.

— А добровольно не явившийся?

— Тоже нет.

— Тогда объясни мне, какие люди у тебя вообще не вызывают подозрений.

Клим закрыл папку.

— Незнакомые.

— Прекрасная профессия для человека с таким мировоззрением.

Они находились в небольшом кабинете на первом этаже управления. За окном тянулось серое утро, оставшееся после ночного дождя. Город уже проснулся, но выглядел так, словно сделал это исключительно из чувства долга.

Клим успел поспать меньше двух часов, принять душ и выпить кофе, который на этот раз действительно имел право так называться.

На столе перед ним лежали первые материалы по делу Ромашина.

Первые материалы по делу теперь нужно было разделить на две линии: то, что произошло в кабинете ночью, и то, что

могло привести людей к Ромашину именно в этот вечер.

Глеб Аркадьевич Ромашин, пятьдесят семь лет. Адвокат. Один из основателей юридической фирмы «Ромашин и Касьянов». Женат. Один взрослый сын. Судимостей нет. Угроз, официально зафиксированных в последнее время, нет.

Зато имелось множество клиентов, проигравших противников и людей, которые считали, что адвокат обязан обеспечить справедливость именно в том виде, в каком они её себе представляли.

— У адвоката всегда достаточно врагов, — сказал Мезенцев, перелистывая распечатки.

— У хорошего адвоката особенно.

— Почему?

— Плохой просто проигрывает дела. Хороший иногда выигрывает их не для тех людей.

Мезенцев посмотрел на него.

— Записать это для будущей книги?

— Касьянов был у Ромашина вчера вечером. Шафран его опознала.

— Он не отрицает?

— Нет. Более того, сам сообщил об этом ещё ночью, когда с ним связались.

— Значит, начнём с человека, который ничего не скрывает.

— Ты произнёс это так, будто уже поймал его на трёх убийствах.

— Не преувеличивай. Пока только на хорошем воспитании.

Мезенцев вышел за Касьяновым.

Через минуту дверь открылась.

Матвею Касьянову был сорок один год. Среднего роста, худощавый, аккуратно одетый. Тёмно-синий костюм сидел безупречно, но не выглядел демонстративно дорогим. Галстук отсутствовал. Белая рубашка была расстёгнута у воротника.

Он вошёл спокойно.

Не слишком уверенно.

Не слишком подавленно.

Клим отметил это почти машинально.

Люди, привыкшие выступать в судах, хорошо умеют выбирать выражение лица. Иногда настолько хорошо, что лицо перестаёт сообщать что-либо вообще.

— Матвей Олегович?

— Да.

— Клим Фрязин. Это Савелий Юрьевич Мезенцев.

Они обменялись рукопожатиями.

Касьянов сел.

— Полагаю, я понимаю процессуальный интерес к моему визиту.

— Это облегчает работу, — сказал Клим. — Обычно люди стараются доказать, что нам лучше не знать лишнего.

Клим чуть улыбнулся.

Первый обмен состоялся.

Касьянов ему понравился.

Именно поэтому Клим сразу решил относиться к нему особенно внимательно.

Симпатия была плохим инструментом расследования.

Антипатия — ещё хуже.

— Расскажите о вчерашнем вечере.

— Я приехал к Глебу около десяти.

— Зачем?

— Рабочая необходимость, если пользоваться самым безопасным словом.

— В десять вечера?

— Мы оба адвокаты. Для нашей профессии время существует скорее как рекомендация.

— У следователей примерно так же. Только рекомендации нам обычно дают родственники.

Касьянов улыбнулся.

— У нас возникла проблема с одним клиентом. Я хотел поговорить лично.

— Почему не утром?

— Потому что утром Глеб собирался принять решение, которое мне не нравилось.

— Какое?

Касьянов помолчал.

— Отказаться от клиента.

— Назовёте?

— Если это необходимо.

— Пока я просто спрашиваю.

— Компания «Арден Групп».

Клим отметил не только название клиента, но и то, как аккуратно Касьянов отделил проблему фирмы от собственной ответственности.

Мезенцев записал название.

— Чем занимается?

— Девелопмент. Несколько крупных проектов в Москве и области.

— В чём проблема?

— Глеб обнаружил несоответствия в документах.

— Какие?

— Финансовые.

— Незаконные?

Касьянов немного помедлил.

— Возможно.

— Вы адвокат, Матвей Олегович. Обычно люди вашей профессии особенно хорошо знают разницу между «возможно» и «да».

— Именно поэтому я сказал «возможно».

— Хороший ответ.

Клим кивнул, но отметил осторожность формулировки.

Клим откинулся в кресле.

— Ромашин собирался отказаться от клиента?

— Да.

— А вы были против?

— Да.

— Почему?

— Потому что «Арден Групп» — один из наших крупнейших клиентов. Отказ означал бы серьёзные финансовые потери.

— Насколько серьёзные?

— Достаточно, чтобы приехать к партнёру в десять вечера.

— И недостаточно, чтобы его убить?

В комнате стало тихо.

Мезенцев поднял глаза от блокнота.

Касьянов посмотрел на Клима.

Несколько секунд он не отвечал.

— Вы формулируете вопрос так, будто уже выбрали правовую квалификацию.

— Это экономит время.

— Иногда чрезмерная экономия времени приводит к плохим решениям.

— Согласен. Поэтому я пока только задаю вопросы.

Касьянов слегка кивнул.

— Нет. Недостаточно, чтобы его убить.

— Вы поссорились?

— Мы спорили.

— Громко?

— Возможно.

— Опять «возможно».

На этот раз Касьянов улыбнулся заметнее.

— Хорошо. Да, мы говорили громко.

— Ромашин смеялся?

Улыбка исчезла.

— Откуда вы знаете?

— Значит, смеялся.

— Один раз.

— Почему?

Касьянов посмотрел в сторону окна.

— Я сказал, что он ставит под угрозу фирму из-за принципов.

— А он?

— Ответил, что фирма без принципов называется несколько иначе.

Мезенцев хмыкнул.

— Хорошая фраза.

— Глеб умел быть неприятно остроумным.

Клим посмотрел на Касьянова.

— Вы обиделись?

— Мне сорок один год, Клим...

Он остановился.

— Простите. Клим...?

— Просто Клим.

— Мне сорок один год, Клим. Если бы я убивал каждого, кто меня обидел, моя профессиональная биография была бы

значительно короче.

— Зато уголовное дело значительно длиннее.

Касьянов впервые рассмеялся.

Смех был естественным.

Клим отметил и это.

— Чем закончился разговор?

— Ничем. Глеб сказал, что утром ещё раз просмотрит документы и примет окончательное решение.

— Вы уехали?

— Да.

— Во сколько?

Касьянов назвал приблизительное время.

Клим не стал уточнять минуты.

— Кто-нибудь видел, как вы уезжали?

— Нелли Яковлевна.

— Она говорит, что гостей было несколько.

— Я видел машину Тарлецкого.

— Самого Тарлецкого?

— Нет.

— Ещё кого-нибудь?

— Нет.

— После ухода вы с Ромашиным разговаривали?

— Нет.

— Созванивались?

— Нет.

— Переписывались?

— Нет.

Клим немного помолчал.

— Кто должен был встретиться с ним утром?

Касьянов нахмурился.

— Не знаю.

— Он говорил, что утром собирается что-то закончить?

— Нет.

— Передать документы?

— Мне не говорил.

— Обратиться в полицию?

На этот раз пауза была совсем короткой.

Но она была.

— Насколько мне известно, нет.

Клим ничего не сказал.

Мезенцев тоже.

Касьянов посмотрел сначала на одного, потом на другого.

— Что?

— Ничего, — ответил Клим.

— Вы специально замолчали.

— Иногда молчание полезнее вопроса.

— В суде это называется психологическим давлением.

— Здесь нет присяжных.

— Зато есть адвокат.

— Именно поэтому я стараюсь.

Касьянов чуть покачал головой.

— Глеб не говорил мне, что собирается обращаться в по-

лицию.

— Хорошо.

Клим открыл папку.

— Вы знали, кто ещё приезжал к нему вчера?

— Нет.

— Инга Верницкая?

Касьянов задумался.

— Имя знакомое.

— Бывшая клиентка Ромашина.

— Тогда возможно. Глеб вёл много дел лично.

— Арсений Тарлецкий?

— Конечно. Они знакомы много лет.

— Всеволод Ромашин?

— Его сын.

— Отношения между ними?

— Сложные.

— Насколько?

— Настолько, насколько могут быть сложными отношения между отцом, который привык считать заботу формой управления, и сыном, однажды обнаружившим, что вырос.

— Они ссорились?

— Иногда.

— Из-за денег?

— В том числе.

— Наследство?

Касьянов усмехнулся.

— Вы действительно быстро работаете.

— Наследство обладает удивительным свойством. Оно начинает интересовать следователя раньше, чем наследника.

— Иногда наследника значительно раньше.

— Вот поэтому я и спрашиваю.

Касьянов задумался.

— Насколько я знаю, завещание есть.

— Вы его составляли?

— Нет. Глеб занимался этим через другого нотариуса.

— Почему не через вас?

— Потому что мы партнёры. И потому что он не любил смешивать личное и профессиональное.

Клим посмотрел на него.

— При этом работал до ночи дома.

— У каждого человека есть собственное определение последовательности.

Клим достал фотографию листа с семью точками и положил перед Касьяновым.

— Видели это раньше?

Адвокат посмотрел.

Сначала быстро.

Потом внимательнее.

— Нет.

— Что это?

— Не знаю.

— На что похоже?

— На схему.

Мезенцев тихо произнёс:

— Второй голос за схему.

Клим бросил на него взгляд.

— Демократия в расследовании не предусмотрена.

Касьянов взял фотографию.

— Семь точек. Линии. Возможно, какой-то план.

— Какой?

— Понятия не имею.

— Ромашин рисовал во время разговоров?

— Иногда.

— Что обычно?

— Квадраты. Стрелки. Подчёркивал слова. Глеб не был художником.

— Этот рисунок его?

— Не могу сказать.

— Почерк возле точки?

— Там почти ничего нет.

— Именно.

Касьянов вернул фотографию.

— Где вы это нашли?

— В кабинете.

— На столе?

— Почему спрашиваете?

— Просто интересно.

— Адвокаты редко говорят «просто».

Касьянов улыбнулся.

— Следователи тоже.

Клим убрал фотографию.

— Пока всё, Матвей Олегович. Но город лучше не покидать.

— Это просьба или запрет?

— Пока просьба.

— Я никуда не собирался.

Он поднялся.

У двери остановился.

— Клим.

— Да?

— Вы ведь понимаете, что у Глеба было много людей, которые могли желать ему зла?

— Разумеется.

— Я не имею в виду клиентов, проигравших дела. Иногда он заходил дальше, чем следовало.

— Куда?

Эта оговорка стала первой настоящей зацепкой в его показаниях: Касьянов не обвинял Ромашина, но осторожно готовил для него тёмную биографию.

Касьянов посмотрел на него.

— Если бы знал, сказал бы.

Мезенцев дождался, когда дверь закроется.

— Ну?

— Что?

— Понравился?

— Да.

— Мне тоже.

— Плохо.

— Почему?

Клим посмотрел на дверь.

— Потому что приятный человек заставляет нас незаметно менять стандарт доказательств.

— А неприятный?

— Тоже. Только в другую сторону.

Мезенцев сел напротив.

— Врёт?

— Пока не знаю.

— Но что-то тебе не понравилось.

— Пауза.

— Перед полицией?

— Именно.

— Полсекунды.

— Может быть.

— Ты обещал не считать время.

— Я и не считаю. Я замечаю.

Мезенцев задумался.

— Он мог просто удивиться вопросу.

— Конечно.

— Тогда зачем мы об этом говорим?

— Чтобы не забыть.

Телефон Савелия завибрировал.

Он прочитал сообщение.

— Пришли первые результаты по следам возле окна.

Клим поднял глаза.

— И?

— Размер примерно сорок третий. Рисунок подошвы достаточно распространённый. Спортивная обувь. Следы действительно свежие, появились во время дождя.

— Направление?

— Вот тут интереснее. Эксперт не готов уверенно сказать, что человек двигался именно от окна.

— Почему?

— Грунт слишком размок. Несколько следов смазаны. Там, где можно определить направление, человек шёл к забору. Но самый первый нормальный отпечаток находится не под окном, а почти в двух метрах от него.

Клим встал.

— А непосредственно под окном?

— Просто продавленная грязь. Можно предположить прыжок.

— А можно?

— Что кто-то подошёл туда, потоптался и пошёл обратно.

Клим улыбнулся.

— Вот видишь.

— Что?

— Окно перестало стараться.

— Ты сейчас доволен?

— Нет. Но мне спокойнее, когда улика перестаёт объяснять преступление целиком.

— Станный человек.

— Целые объяснения вообще подозрительны. Жизнь обычно поставляется без инструкции.

Мезенцев снова посмотрел в телефон.

— Есть ещё кое-что.

— Говори.

— Телефон Ромашина. Последний входящий звонок, после которого он сказал кому-то приезжать.

— Кто?

— Номер зарегистрирован на Арсения Викторовича Тарлецкого.

Клим остановился.

— Старый друг.

— И сосед.

— Который, по словам Касьянова, вечером действительно был поблизости.

— Да.

— А Шафран говорила, что первый посетитель приехал раньше Касьянова.

— Тарлецкий.

— Значит, совпадает.

Мезенцев убрал телефон.

— Поедем к нему?

— Поедем.

— Сейчас?

— А что ты предлагаешь?

— Позавтракать.

Клим посмотрел на часы.

— Это разумная мысль.

Мезенцев удивился.

— Ты согласился?

— Я становлюсь старше.

— Наконец-то.

— И понял важную вещь.

— Какую?

— Голодный следователь гораздо быстрее раскрывает преступление.

— Вот.

— Неправильно.

Мезенцев вздохнул.

— Конечно.

— Он гораздо быстрее назначает виновного.

Савелий несколько секунд смотрел на него, потом поднялся.

— Иногда я не понимаю, ты шутишь или читаешь мне лекцию.

Клим надел куртку.

— Хорошая шутка отличается от лекции только тем, что её дослушивают.

Они вышли из кабинета.

Через двадцать минут сидели в небольшом кафе неподалёку от управления. Утренних посетителей было немного. За стеклом двигались машины, по мокрому тротуару торопились люди.

Мезенцев ел омлет.

Клим пил кофе и смотрел на фотографию семи точек в телефоне.

— Опять?

— Опять.

— Может, это действительно просто каракули.

— Может.

— Тогда ты зря тратишь время.

— Это выяснится только после того, как я его потрачу.

Мезенцев отложил вилку.

— Тебе никогда не приходило в голову, что некоторые вещи ничего не означают?

— Постоянно.

— И?

— Обычно именно после этого выясняется, что они что-то означают.

— Невыносимый подход.

Клим увеличил фотографию.

Семь точек.

Линии.

Одна темнее остальных.

Он повернул телефон.

— Знаешь, что меня раздражает?

— Список нужен?

— Рисунок.

— Почему?

— Я его видел.

— Где?

— Если бы помнил, он бы меня не раздражал.

Мезенцев протянул руку.

— Дай.

Клим передал телефон.

Савелий повертел изображение.

— Карта метро?

— Нет.

— План участка?

— Возможно.

— Семейное дерево?

— Нет.

— Маршрут?

— Не похоже.

— Большая Медведица?

Клим поднял глаза.

Мезенцев продолжал смотреть на экран.

— Что?

— Повтори.

— Большая Медведица. Все знают семь звёзд, ковш, руч-

ка. Может, Ромашин пытался нарисовать её и плохо умел рисовать.

Клим забрал телефон.

Посмотрел.

Повернул.

— Нет.

— Откуда знаешь?

— Медведица выглядит иначе.

— Ты специалист?

— Нет.

— Тогда почему так уверенно?

Клим уже искал изображение в телефоне.

Через несколько секунд рядом появились две картинки.

Он сравнил их.

— Не она.

— Поздравляю. Мы исключили созвездие из списка подозреваемых.

Но Клим его уже почти не слушал.

Он смотрел на рисунок Ромашина.

Потом на схему Большой Медведицы.

И вдруг понял, что именно беспокоило его с самого начала.

Не рисунок.

Способ изображения.

Точки разного размера.

Линии между ними.

Это была не схема объекта.

Так рисовали созвездия.

— Савелий.

Мезенцев допивал кофе.

— Я здесь.

— Это звёзды.

— Я только что сказал.

— Не Медведица.

— Тогда какая разница?

Клим посмотрел на него.

— Пока никакой.

— Отлично. Поехали к Тарлецкому.

Фрязин убрал телефон.

Но мысль уже не отпускала.

В машине он снова открыл изображение.

Семь точек.

Если это действительно созвездие, оставалось выяснить какое.

А потом возникал значительно более неприятный вопрос.

Зачем успешный московский адвокат незадолго до своей смерти сидел один в кабинете и рисовал звёзды?

Мезенцев завёл двигатель.

— Адрес Тарлецкого в семи минутах от дома Ромашина.

Клим пристегнулся.

— Поехали.

— О звёздах будем думать потом.

— Разумно.

— Ты опять согласился.

— Не привыкай.

Машина выехала на мокрую улицу.

Над Москвой медленно расходились облака.

Ночное небо давно исчезло, и звёзд теперь нельзя было увидеть даже при большом желании.

Клим смотрел в окно.

Ему вдруг пришла в голову простая мысль.

Люди тысячи лет соединяли далёкие, никак не связанные между собой звёзды воображаемыми линиями и видели в них зверей, героев и богов.

Возможно, потому, что человеку вообще трудно смотреть на несколько отдельных точек и соглашаться с тем, что между ними нет связи.

Он усмехнулся.

— Что? — спросил Мезенцев.

— Ничего.

— Ты всегда улыбаешься, когда думаешь «ничего».

— Значит, у меня богатая внутренняя жизнь.

— Или плохая привычка не делиться.

Клим посмотрел на него.

— Савелий, большинство человеческих заблуждений начинается с фразы: «Теперь всё понятно».

— А большинство твоих исследований — с фразы: «Пока ничего не понятно».

— Именно поэтому я ещё работаю.

Через несколько минут впереди показался поворот к старому посёлку.

Где-то там их ждал Арсений Тарлецкий — человек, который позвонил Ромашину перед убийством, приехал к нему в дождливый вечер и пока ещё не объяснил зачем.

А семь точек впервые перестали быть просто точками.

ГЛАВА III

Старый сосед

«Чем дольше люди знают друг друга, тем меньше им нужно слов для ссоры и тем больше — для объяснения её причин.»

Дом Арсения Викторовича Тарлецкого стоял через две улицы от дома Ромашина.

Он был заметно старше соседних построек и выглядел так, словно пережил несколько эпох и ни одну из них не счёл достаточно убедительной, чтобы полностью измениться. Кирпичный первый этаж, деревянная мансарда, тёмная черепичная крыша, застеклённая веранда. За невысоким металлическим забором росли яблони, давно переставшие быть декоративными и жившие теперь в соответствии с собственными представлениями о порядке.

Мезенцев остановил машину у ворот.

— Симпатично.

Клим посмотрел на дом.

— Тебе всё старое кажется симпатичным.

— Неправда.

— Ты вчера хвалил кофейник в управлении.

— Он работает с две тысячи восьмого года.

— Именно.

Савелий выключил двигатель.

— Думаешь, Тарлецкий будет сложным?

— Почему?

— Старый друг погибшего. Состоятельный. Возраст. Положение. Такие обычно уверены, что следствие существует для других людей.

— Это не зависит от возраста и положения.

— Согласен. Иногда достаточно дорогих часов.

Они вышли.

Калитка оказалась незапертой.

На крыльце их уже ждали.

Арсений Викторович Тарлецкий был высоким, худым мужчиной лет шестидесяти, с прямой спиной и густыми седыми волосами, зачёсанными назад. На нём были тёмные брюки, светлая рубашка и длинный домашний кардиган. Выглядел он не как человек, которого разбудили неожиданным визитом полиции, а скорее как хозяин, ожидавший неприятных гостей и заранее решивший не получать от этого удовольствия.

— Фрязин? — спросил он.

— Да.

— А вы, значит, Мезенцев.

Савелий слегка удивился.

— Хорошая память.

— Мне сообщили фамилии.

— Тогда обычная.

Тарлецкий посмотрел на него внимательнее.

— Вы всегда так разговариваете?

— Только когда не успел позавтракать второй раз.

Клим едва заметно улыбнулся.

— Арсений Викторович, нам нужно поговорить о вчерашнем вечере.

— Я догадался. Проходите.

Дом внутри оказался ещё менее современным, чем снаружи. Старые книжные шкафы, тяжёлая мебель, большие фотографии на стенах, деревянные полы. Никакой демонстративной роскоши. Скорее вещи, которые покупали давно и не меняли потому, что они всё ещё выполняли свою работу.

Тарлецкий провёл их в гостиную.

— Чай? Кофе?

— Нет, спасибо, — ответил Клим.

Мезенцев посмотрел на него.

— Я бы не отказался.

Тарлецкий кивнул.

— Человек, который отказывается от кофе утром, либо

болен, либо что-то скрывает.

Тарлецкий ушёл на кухню.

Мезенцев тихо сказал:

— Кажется, мы нашли тебе собеседника.

— Не радуйся раньше времени.

— Почему?

— Умный человек осложняет расследование ровно настолько, насколько глупый его портит.

— И что лучше?

— Честный.

— Таких не бывает?

Клим посмотрел на него.

— Бывают. Но редко в полном объёме.

Тарлецкий вернулся с подносом.

Он поставил перед Савелием чашку и сел напротив.

— Итак. Что именно вам нужно?

Клим не открыл блокнот.

— Вы вчера звонили Глебу Аркадьевичу.

— Да.

— Потом приехали к нему.

— Да.

— Зачем?

Тарлецкий несколько секунд смотрел на Клима.

— Вы хотите короткий ответ или точный?

— Точный обычно длиннее.

— Значительно.

— Тогда точный.

Тарлецкий откинулся в кресле.

— Мы с Глебом знали друг друга тридцать два года, и за это время дружба успела перейти в привычку, привычка — в обязанность, а обязанность иногда хуже вражды.

— Почему?

— Возраст дружбы иногда становится сильнее её качества, и люди продолжают встречаться не потому, что им есть что сказать, а потому, что слишком многое уже было сказано когда-то.

Клим кивнул.

— Что произошло вчера?

— Он позвонил мне днём.

— Сам?

— Да. Сказал, что хочет поговорить.

— О чём?

— Не уточнил.

— А вечером уже вы позвонили ему.

— Потому что он так и не перезвонил.

— И после звонка поехали?

— Да.

— Почему не поговорили по телефону?

Тарлецкий усмехнулся.

— Потому что Глеб произнёс именно ту фразу, которую люди почему-то считают признаком серьёзности: «Это не телефонный разговор».

— Вы знаете, о чём он хотел говорить?

Тарлецкий посмотрел в сторону окна.

— Теперь думаю, что знаю.

— А тогда?

— Тогда предполагал.

— Что именно?

Он немного помолчал.

— О старом участке.

Клим не изменил выражения лица.

— Каком участке?

— Здесь, в посёлке.

— Конкретнее.

— Когда-то вся эта территория выглядела иначе. Большие участки, старые дома, почти никакой новой застройки. Потом землю начали делить, продавать, перестраивать. Глеб в своё время занимался несколькими юридическими вопросами, связанными с этим.

— И вчера хотел говорить об этом?

— Думаю, да.

— Почему сейчас?

— Вот этого я не знаю.

Мезенцев поставил чашку.

— Вы хотите сказать, что спустя много лет Ромашин вдруг решил обсуждать старую землю?

— Я хочу сказать ровно то, что сказал.

— Удобная формулировка.

Тарлецкий посмотрел на него.

— Для следователя, возможно. Для свидетеля — необходимая.

Клим вмешался:

— Вы приехали к нему когда?

Тарлецкий назвал приблизительное время.

— Кто открыл?

— Нелли.

— Вы прошли в гостиную?

— Сначала да.

— Потом?

— Глеб пришёл из кабинета.

— О чём говорили?

Тарлецкий посмотрел на Клима.

— Вот здесь точный ответ снова будет длинным.

— Нас это не пугает.

— Меня тоже.

Он сложил руки.

— Глеб спросил, помню ли я старый план посёлка.

Клим чуть наклонил голову.

— Какой именно?

— Один из первых после раздела земли. Там было несколько крупных участков, принадлежавших людям, которых теперь почти никого нет.

— Почему он спрашивал?

— Не объяснил.

— И вы не спросили?

— Конечно спросил.

— Что ответил?

— Что нашёл документы, которые давно считал потерянными.

Клим услышал в этой фразе не воспоминание, а защиту: Тарлецкий говорил о прошлом так, будто оно всё ещё могло предъявить счёт.

— Какие?

— Не показал.

— Вы ему поверили?

Тарлецкий усмехнулся.

— Глеб редко говорил бессмысленные вещи. Он мог говорить неприятные, самодовольные, иногда жестокие, но бессмысленные — редко.

— Вы поссорились?

— Немного.

— Из-за чего?

— Потому что я сказал, что если он снова собирается вытаскивать старые истории, то делает глупость.

— Какие истории?

Пауза стала длиннее.

— Никаких преступлений, если вы об этом.

— Я пока ни о чём.

— Следователи всегда ни о чём, пока не выясняется, что именно об этом.

Клим слегка улыбнулся.

— Хорошо. Тогда скажите, что вы называете старыми историями.

Тарлецкий провёл ладонью по подлокотнику.

— Споры о земле, чужие обиды, старые семейные обещания и сделки, после которых люди десятилетиями здороваются через зубы; в маленьких посёлках память всегда длиннее забора.

Мезенцев поднял глаза.

Клим продолжал:

— Глеб хотел что-то пересмотреть?

— Похоже.

— Что именно?

— Не сказал.

— Но вы начали спорить.

— Потому что мне не понравился сам принцип.

— Какой?

— Возвращаться туда, где уже ничего нельзя исправить.

Клим посмотрел на него.

— Почему нельзя?

— Потому что прошло много лет.

— Это не ответ.

— Для закона, возможно. Для жизни — вполне.

— Вы боялись, что он что-то найдёт?

Тарлецкий усмехнулся.

— Наконец-то.

— Первый действительно неприятный?

— Первый действительно неприятный вопрос.

— Нет. Не боялся.

— А чего тогда?

— Что он снова начнёт вмешиваться в чужие судьбы под видом восстановления справедливости.

— Вы считаете его таким человеком?

— Глеб любил исправлять мир с интонацией человека, которому мир уже проиграл спор.

— Звучит не слишком по-дружески.

— Настоящая дружба вообще редко звучит по-дружески после тридцати лет.

Клим откинулся на спинку.

— Чем закончился ваш разговор?

— Я сказал, что не хочу в этом участвовать.

— А Ромашин?

— Ответил, что мне, возможно, придётся.

— Почему?

— Не объяснил.

— Вы разозлились?

— Да.

— Насколько?

— Достаточно, чтобы уйти.

— И всё?

— И всё.

— Вы не возвращались?

Тарлецкий посмотрел прямо на него.

— Нет.

— Вашу машину видели позже.

— Знаю.

— Откуда?

— Потому что мне уже звонили ночью.

— Тогда объясните.

Тарлецкий вздохнул.

— После разговора я не поехал домой.

— А куда?

— К знакомому.

— Имя?

— Сергей Вадимович Кольцов.

Клим не отреагировал на фамилию, лишь сделал пометку.

— Где живёт?

Тарлецкий назвал улицу.

Мезенцев посмотрел на него.

— Это в противоположную сторону.

— Именно.

— Значит, машина не могла оставаться возле дома Ромашина.

— Могла.

Клим поднял глаза.

— Почему?

— Потому что я пошёл пешком.

Мезенцев нахмурился.

— Оставили машину у Ромашина?

— Не у дома. На соседней улице.

— Зачем?

— Выпил у Глеба.

— Сколько?

— Два бокала коньяка.

— И решили не садиться за руль.

— Представьте себе, даже люди моего поколения способны иногда принимать разумные решения.

— Я не сомневался.

— По вашему лицу трудно сказать.

Клим слегка улыбнулся.

— Вы дошли до Кольцова пешком?

— Да.

— Зачем?

Тарлецкий задумался.

— Потому что не хотел идти домой.

— Это причина?

— Для моего возраста вполне.

— А точнее?

— Был раздражён. Кольцов живёт недалеко. Я позвонил, спросил, не спит ли он.

— Он подтвердит?

— Конечно.

— Потом вы вернулись за машиной?

— Уже позже.

— Насколько позже?

— Через час с небольшим.

Клим не стал уточнять до минуты.

— И к Ромашину не заходили?

— Нет.

— Даже не подходили к дому?

— Нет.

— Кто-нибудь видел, как вы забирали машину?

— Не знаю.

Клим сделал паузу.

— Арсений Викторович, вы помните, какая обувь была на вас вчера?

Тарлецкий посмотрел сначала на него, потом на Мезенцева.

— Интересный переход.

— Иногда обувь знает больше владельца.

— Тёмные ботинки.

— Размер?

— Сорок четвертый.

Мезенцев записал.

— Спортивная обувь есть?

— Разумеется.

— Сорок третий?

— Нет. Вся сорок четвёртая.

— Покажете?

Тарлецкий пожал плечами.

— После разговора.

Клим кивнул.

— Вы знали, кто ещё должен был приехать к Ромашину?

— Нет.

— Матвей Касьянов?

— Видел его машину позже.

— Вы уже были у Кольцова?

— Нет. Я как раз уходил.

— С ним пересеклись?

— Нет.

— Ингу Верницкую знаете?

Тарлецкий чуть нахмурился.

— Имя знакомо.

— Бывшая клиентка.

— Возможно, видел когда-то.

— Всеволода?

— Конечно.

— Как у него складывались отношения с отцом?

— Плохо.

— Почему?

— Потому что Глеб очень долго считал сына ребёнком.

— А сын?

— Очень долго пытался доказать обратное.

— Деньги?

— Не только.

— Что ещё?

Тарлецкий посмотрел на окно.

— Самостоятельность. Работа. Выбор людей. Обычный набор.

— Наследство?

— Я не знаю содержания завещания.

— Но знаете, что оно есть.

— Разумеется.

Клим помолчал.

— Вы сказали: старый план посёлка. Как выглядел этот план?

Тарлецкий впервые изменился.

Совсем немного.

Но Клим заметил.

Не испуг.

Не тревога.

Скорее внутреннее раздражение.

— Обычная схема участков.

— Сколько?

— Не помню.

— Примерно.

— Семь или восемь.

Клим достал телефон.

Открыл фотографию рисунка Ромашина.

Положил перед Тарлецким.

— Это вам что-нибудь напоминает?

Тарлецкий посмотрел.

Его лицо осталось почти неподвижным.

Слишком неподвижным.

Клим не отвёл взгляд.

— Нет.

— Совсем?

Отказ Тарлецкого был слишком ровным: не незнание, а хорошо поставленная точка в месте, где следствие ждало продолжения.

— Нет.

— Семь точек.

— Я вижу.

— Линии.

— Тоже.

— Вы только что говорили о старом плане.

— И?

— Ничего.

Тарлецкий поднял глаза.

— Вы хотите, чтобы я сказал, что это план посёлка?

— Я хочу знать, что вы видите.

— Семь точек.

Клим улыбнулся.

— Осторожный ответ.

— Вы сами учите людей не придумывать то, чего они не знают.

— Учусь у вас.

Тарлецкий вернул телефон.

— Я не знаю, что это.

— Ромашин мог рисовать старые участки?

— Мог.

— Так?

— Не знаю.

— Вы видели подобный рисунок раньше?

— Нет.

Пауза.

Клим не стал продолжать.

Он убрал телефон.

Мезенцев сменил тему:

— У вас с Ромашиным были общие финансовые дела?

— Когда-то.

— Сейчас?

— Нет.

— Совместная собственность?

— Нет.

— Долги?

— Нет.

— Судебные споры?

— Нет.

Тарлецкий усмехнулся.

— Вы хотите найти простой мотив.

— Мы всегда начинаем с простого.

— Почему?

— Потому что сложное обычно состоит из нескольких

простых вещей, которые плохо сложились.

Тарлецкий посмотрел на Клима с интересом.

Клим использовал момент.

— Кто ещё знал о том старом плане?

Улыбка исчезла.

— Многие.

— Кто конкретно?

— Старожилы.

— Имена.

Тарлецкий назвал несколько фамилий.

Ни одна пока ничего не говорила Климу.

— Керн? — спросил он, глядя на записи.

Тарлецкий поднял глаза.

— Откуда вы знаете эту фамилию?

Клим промолчал.

Он не знал её.

Просто одно имя значилось в предварительных документах на старые участки, которые Мезенцев успел получить утром.

Тарлецкий понял это слишком поздно.

— Роман Эдгарович Керн, — сказал Клим спокойно. — Вы его знали?

— Да.

— Хорошо?

— Достаточно.

— Его дом находился рядом?

— Да.

— Он жив?

— Нет. Умер несколько лет назад.

— Семья?

— Дочь.

— Аглая?

Тарлецкий снова посмотрел на него.

На этот раз чуть дольше.

— Вы быстро работаете.

— Иногда.

— Она давно не живёт здесь.

— Где?

— За границей.

— Связь поддерживаете?

— Нет.

Клим закрыл блокнот.

— Что произошло с домом Керна?

Тарлецкий молчал.

Мезенцев уже не пил кофе.

— Арсений Викторович?

— Сгорел.

— Когда?

— Лет пятнадцать назад.

— Причина?

— Электрика.

— Кто-нибудь погиб?

— Нет.

— Почему вы так не хотите об этом говорить?

Тарлецкий резко посмотрел на него.

— Я не говорил, что не хочу.

— Тогда говорите.

Пауза.

— Дом был старый. Проводка тоже. Пожар начался ночью. Керна в тот момент не было. Потом участок долго стоял пустой.

— Что с ним сейчас?

— Разделён.

— Кому принадлежит?

— Не знаю.

— Ромашин имел отношение к оформлению?

— Возможно.

Клим заметил слово.

— «Возможно» сегодня популярно.

— Удобное слово.

— Касьянов сказал то же самое.

Тарлецкий чуть усмехнулся.

— Значит, адвокаты всё-таки чему-то учат окружающих.

Клим поднялся.

— Покажите обувь.

Тарлецкий тоже встал.

— Вы серьёзно?

— Более чем.

— Вы думаете, что я ночью лазил через забор?

— Пока я думаю только, что кто-то это делал.

— И обязательно в кроссовках?

— Было бы странно в лапах.

Мезенцев тихо кашлянул, скрывая улыбку.

Тарлецкий посмотрел на Клима.

— Хорошо. Идёмте.

Они прошли в прихожую.

В большом шкафу стояло несколько пар обуви.

Тарлецкий без раздражения вытащил спортивные кроссовки.

— Сорок четвёртый.

Мезенцев посмотрел подошву.

— Рисунок другой.

— Счастлив?

— Пока только разочарован.

— Вы все такие?

— Нет. Некоторые хуже.

Клим осмотрел обувь.

Грязи почти не было.

— Вчера в них не ходили?

— Нет.

— В чём были?

Тарлецкий указал на ботинки.

На подошвах сохранились следы влажной земли.

Мезенцев присел.

— Заберём на экспертизу.

— Забирайте.

— Без возражений?

— Если начну возражать против каждого очевидного действия полиции, мы проведём вместе весь день.

Клим посмотрел на него.

— Вам куда-то нужно?

— Да.

— Куда?

Тарлецкий усмехнулся.

— Вот теперь это уже почти ревность.

— Профессиональная.

— В банк.

— Зачем?

— Иногда люди ходят в банк потому, что им нужен банк.

— Редкий случай.

Тарлецкий протянул ботинки Мезенцеву.

— Что-то ещё?

Клим задержался у двери.

— Да.

— Я слушаю.

— Когда вы уходили от Ромашина, окно кабинета было открыто?

Тарлецкий задумался.

— Не знаю.

— Вы были в кабинете?

— Нет.

— Разговор проходил в гостиной?

— Да.

— Значит, окна не видели.

— Нет.

Клим кивнул.

— И последнее. Глеб когда-нибудь интересовался астрономией?

Тарлецкий посмотрел на него с искренним удивлением.

— Чем?

— Звёздами. Созвездиями.

— Нет.

— Совсем?

— Он однажды купил телескоп сыну. Всеволоду было лет двенадцать. Через месяц телескоп стоял в гараже.

— Ромашин им пользовался?

— Насколько знаю, нет.

— А вы?

— Я предпочитаю объекты, которые можно увидеть без инструкции.

— Звёзды тоже можно.

— Но понять значительно труднее.

Клим слегка улыбнулся.

— Это относится не только к звёздам.

Они вышли.

На улице стало светлее.

Дождевые облака окончательно уходили на восток, между ними появлялись голубые просветы.

Мезенцев положил пакет с ботинками в багажник.

— Ну?

Клим посмотрел на дом.

— Он что-то знает.

— Это я тоже заметил.

— Про рисунок.

— Думаешь?

— Не уверен.

— Тогда почему?

— Он слишком тщательно увидел в нём только семь точек.

Мезенцев закрыл багажник.

— Может, действительно не узнал.

— Может.

— Ты снова начинаешь.

— Я и не заканчивал.

Они сели в машину.

Савелий завёл двигатель, но не тронулся.

— Что тебе не понравилось больше всего?

— Керн.

— Почему?

— Не фамилия. Реакция.

— Он удивился, что мы знаем.

— Да.

— Нормально.

— Нормально.

Мезенцев повернул голову.

— Но?

— Он не спросил, зачем нам Керн.

— И что?

— Если человек действительно считает старую историю неважной, он обычно хочет понять, почему следствие вдруг ею заинтересовалось.

— А Тарлецкий?

— Просто начал отвечать.

— Потому что понял.

— Именно.

— Что понял?

Клим посмотрел через лобовое стекло.

— Что мы уже идём туда, куда он не хотел нас вести.

Мезенцев некоторое время молчал.

— Старый дом. Пожар. Земля. Керн.

— И рисунок.

— Который ты теперь считаешь созвездием.

— Пока считаю, что он нарисован как созвездие.

— Разница?

— Огромная.

— Объясни.

— Если я нарисую семь точек в форме ковша, это может быть Большая Медведица. А может быть схема семи домов,

которая просто выглядит как Большая Медведица.

— Понял.

— Наконец-то.

— Не портить момент.

Они выехали с улицы Тарлецкого.

Несколько минут ехали молча.

Клим смотрел на дома за окном.

Старые деревянные строения перемежались новыми коттеджами. Где-то между ними оставались пустые участки, заросшие травой и кустами. Посёлок действительно выглядел так, словно несколько разных времён наложились друг на друга и не договорились, какое из них главное.

— Вернёмся к Ромашину? — спросил Мезенцев.

— Нет.

— Тогда куда?

— Найдём старый план.

— Тот самый?

— Любой. Начнём с кадастра.

— А Кольцов?

— Проверишь алиби Тарлецкого.

— Я?

— Ты хотел участвовать в расследовании.

— Иногда мне кажется, что участие ты понимаешь слишком буквально.

Клим улыбнулся.

— Делегирование — искусство заставить другого челове-

ка делать то, что ты сам делать не хочешь.

— Наконец-то честное определение руководства.

— Я не руководитель.

— Тем хуже. Значит, делаешь это бесплатно.

Телефон Клима зазвонил.

Он посмотрел на экран.

Рейнгардт.

— Да.

— У меня есть предварительное.

— Уже?

— Не радуйся. Только одна деталь.

— Какая?

— Удар был нанесён очень близко.

— Насколько?

— Практически вплотную.

Клим перестал улыбаться.

— Он видел человека перед собой?

— Скорее всего.

— Защитных повреждений?

— Почти нет.

— Значит, не ожидал.

— Вероятно. И ещё.

— Говори.

— Клинок вошёл под углом, который больше соответствует человеку, стоявшему прямо перед ним, а не нападавшему сбоку.

Клим посмотрел на Мезенцева.

— Что-нибудь ещё?

— Пока нет.

— Спасибо.

Он отключил телефон.

— Рейнгардт?

— Да.

— Что?

— Ромашин, скорее всего, стоял лицом к убийце.

— И не защищался.

— Почти.

— Значит, знал.

— Возможно.

Мезенцев усмехнулся.

— Теперь это слово говоришь ты.

— Оно удобное.

— Касьянов был прав.

Клим убрал телефон.

— Если Ромашин впустил человека сам, окно становится ещё интереснее.

— Почему?

— Потому что убийце вообще не нужно было через него уходить.

— Кроме случая, если он хотел скрыть, что находился в доме.

— Да.

— Или создать видимость постороннего.

— Да.

— Или кто-то действительно вышел через окно.

— И это тоже.

Мезенцев вздохнул.

— Ненавижу моменты, когда у нас сразу три разумные версии.

— Почему?

— Потому что ты выглядишь довольным.

— Чем больше разумных версий, тем меньше шансов случайно влюбиться в одну.

— Ты часто говоришь о версиях как о женщинах.

Клим посмотрел на него.

— Не часто.

— Достаточно.

— Тогда прекращу.

— Вера услышит — будет поздно.

Клим повернул голову.

— При чём здесь Вера?

— Ни при чём.

— Савелий.

— Что?

— У тебя очень короткая память для человека, который хочет дожить до пенсии.

Мезенцев рассмеялся.

— Вот теперь узнаю тебя.

Они свернули на шоссе.

Клим снова открыл фотографию рисунка.

Семь точек.

Линии.

Он приблизил изображение.

Тёмная точка находилась немного ниже остальных.

— Найди мне нормальную карту созвездий, — сказал он.

— Прямо сейчас?

— Да.

— Я за рулём.

— Именно поэтому я попросил, а не приказал.

— Великодушно.

Мезенцев остановился на светофоре и быстро открыл поиск на телефоне.

— Какое созвездие?

— Не знаю.

— Это немного осложняет задачу.

— Ищи самые узнаваемые из семи крупных звёзд.

— Медведицу уже исключили.

— Да.

Светофор переключился.

— Потом.

Клим убрал телефон.

— У меня дома есть книга по астрономии.

— Неожиданно.

— Не у меня. У Веры.

— Ещё неожиданнее.

— Она архитектор.

— А архитекторы обязаны знать звёзды?

— Нет.

— Тогда логика слабая.

Клим задумался.

— Она как-то говорила, что любит смотреть на ночное небо за городом.

— Вот.

— Что?

— Уже лучше.

— Не начинай.

— Я ничего.

— Это самая подозрительная твоя фраза.

Мезенцев улыбнулся и больше тему не продолжал.

Клим смотрел на дорогу.

Пока всё дело складывалось из отдельных фрагментов, которые упорно не хотели становиться единой картиной.

Убитый адвокат.

Несколько вечерних гостей.

Старая земля.

Сгоревший дом.

Человек, перелезший через забор.

Семь точек.

И Тарлецкий, который утверждал, что ничего не узнал.

Клим подумал, что расследование иногда напоминает раз-

говор с человеком, который говорит правду, но каждый раз на полшага в сторону от вопроса.

Главное — не обвинять его слишком рано.

Иначе он просто начнёт шагать осторожнее.

Через сорок минут они получили доступ к архивным схемам старого посёлка.

За последние двадцать лет территория менялась несколько раз. Участки дробились, объединялись, переходили к новым владельцам. Некоторые границы исчезали полностью.

Мезенцев разложил несколько распечаток на столе.

— Вот.

Клим подошёл.

— Какая дата?

— Восемнадцать лет назад.

— Раньше.

Савелий нашёл другую.

— Двадцать два.

Клим наклонился.

На плане было девять крупных участков.

— Не то.

— Почему?

— Не знаю.

— Отличный критерий.

— Ещё.

Через несколько минут появилась схема старше.

Семь крупных владений.

Мезенцев замолчал.

Клим тоже.

Участки располагались неровно.

Три сверху.

Два в центре.

Два ниже.

Линии дорог соединяли их между собой.

Клим достал телефон.

Открыл фотографию рисунка Ромашина.

Положил рядом.

Сходство было.

Но не точное.

— Ну? — спросил Мезенцев.

— Похоже.

— На план.

— Да.

— Значит, Тарлецкий соврал.

— Не спеши.

— Почему?

Клим указал пальцем.

— Здесь семь участков. Но расположение не совпадает.

— Немного.

— Достаточно.

— Может, Ромашин рисовал по памяти.

— Может.

— Или это не план.

— Именно.

Мезенцев выпрямился.

— Мы снова ничего не знаем.

— Зато теперь не знаем значительно больше.

— Вот это точно войдёт в сборник.

Клим рассматривал схему.

Один участок принадлежал Роману Эдгаровичу Керну.

Рядом — другому владельцу.

Ещё один — фамилия, знакомая по материалам Ромашина.

Он провёл пальцем по линиям.

— Найди историю собственности по всем семи.

— Всем?

— Всем.

— Это будет гора документов.

— Зато не скучно.

— Ты очень своеобразно понимаешь развлечения.

Клим уже почти не слушал.

Он смотрел на фамилии владельцев.

Семь домов.

Семь точек.

Сгоревший дом Керна.

Если рисунок действительно изображал этот посёлок, зачем Ромашин соединял участки линиями, которых на кадастровом плане не существовало?

И если это было не изображение посёлка — почему Тар-

лецкий так изменился, когда увидел лист?

— Савелий.

— Что ещё?

— Узнай, как назывался дом Керна.

Мезенцев посмотрел на него.

— Дом имел название?

— В старых дачных посёлках это не редкость.

— Откуда ты знаешь?

— Читал.

— Вот теперь я окончательно понял, чем ты занимаешься вместо отдыха.

Через несколько минут Мезенцев нашёл упоминание в старой газетной заметке о пожаре.

Он повернул экран к Климу.

— Есть.

— Читай.

Савелий пробежал глазами текст.

— «Возгорание произошло в частном доме, известном среди старожилов как „Сириус“».

Клим поднял голову.

Несколько секунд оба молчали.

— Сириус, — повторил Мезенцев.

— Да.

— Это же звезда.

— Да.

— Какая?

Клим уже доставал телефон.

Через несколько секунд нашёл ответ.

Самая яркая звезда ночного неба.

Созвездие Большого Пса.

Мезенцев посмотрел на фотографию семи точек.

Потом на Клима.

— Ну вот.

— Что?

— Теперь всё понятно.

Клим медленно повернул голову.

Савелий увидел выражение его лица и усмехнулся.

— Да-да. Я помню. Большинство заблуждений начинается именно с этой фразы.

Клим снова посмотрел на рисунок.

— Правильно.

— Но совпадение хорошее.

— Слишком хорошее.

— Тебе ничем не угодишь.

— Улика, которая сразу всё объясняет, похожа на продавца, который слишком быстро предлагает скидку.

— Подозрительно?

— Всегда.

Мезенцев снова посмотрел на экран.

— Дом «Сириус». Семь участков. Семь точек. Созвездие Большого Пса.

— Пока только гипотеза.

— Но красивая.

— Именно поэтому опасная.

Клим увеличил рисунок.

Теперь одна тёмная точка вдруг стала казаться особенно заметной.

Он подумал о доме Керна.

О пожаре.

О старом плане.

О Ромашине, который незадолго до смерти зачем-то вернулся к истории многолетней давности.

И о Тарлецком, который сказал, что не узнал рисунок.

— Завтра поговорим с ним ещё раз? — спросил Мезенцев.

— Нет.

— Почему?

— Сначала узнаем больше него.

— А потом?

Клим убрал телефон.

— Потом посмотрим, насколько хорошо он умеет не узнавать знакомые вещи.

За окном архивного здания окончательно распогодилось.

Небо стало чистым и почти безоблачным.

Днём на нём нельзя было увидеть ни Сириус, ни Большого Пса, ни вообще ни одной звезды.

Но Клим уже знал, что где-то за ярким дневным светом они всё равно остаются на своих местах.

Иногда отсутствие видимой связи ещё не означало, что связи нет.

А иногда означало именно это.

И различить одно от другого было, пожалуй, самой трудной частью его работы.

ГЛАВА IV

Женщина без объяснений

«Человек легче признаётся в поступке, чем в причине, по которой его совершил. Поступок уже случился, а причина всё ещё принадлежит ему.»

Инга Робертовна Верницкая жила в центре Москвы, в старом доме недалеко от Садового кольца.

Квартира оказалась просторной, но почти лишённой привычной домашней небрежности. Книги стояли ровно, на подоконниках не было случайных вещей, на стенах висели несколько графических работ в тонких чёрных рамах. Даже чашка на журнальном столике выглядела так, будто заранее знала своё место.

Мезенцев огляделся.

— Здесь страшно что-нибудь сдвинуть.

Инга посмотрела на него.

— Тогда не сдвигайте.

— Хороший совет.

— Обычно лучшие советы самые простые. Поэтому люди их редко любят.

Клим чуть улыбнулся.

Инге было около сорока. Тёмные волосы собраны назад, почти без косметики, серый брючный костюм. Она не выглядела испуганной. Скорее раздражённой тем, что её личная жизнь неожиданно стала частью чужой служебной процедуры.

— Вы знали Глеба Ромашина давно? — спросил Клим.

— Около пяти лет.

— Как клиента?

Она посмотрела на него.

— Я была его клиенткой.

— Он представлял ваши интересы?

— Да.

— В каком деле?

— Гражданском.

— Это я уже знаю.

— Тогда зачем спрашиваете?

— Иногда интересно услышать, что человек считает важным сообщить сам.

Инга помолчала.

— Раздел имущества после развода.

— Дело было сложным?

— Неприятным.

— Это не одно и то же.

— Для человека, который в нём участвует, разница небольшая.

Мезенцев сел чуть в стороне.

Клим продолжил:

— Ромашин выиграл дело?

— В основном.

— «В основном» звучит так, будто вы остались недовольны.

— Я осталась разведена. Это был главный результат.

— А остальное?

— Остальное оказалось дороже, чем я ожидала.

— В деньгах?

Инга посмотрела прямо на него.

— Не только.

Клим не стал сразу продолжать.

Молчание продержалось несколько секунд.

— Вы приехали к нему вчера вечером без приглашения,
— сказал он.

— Да.

— Зачем?

— По вопросу, который я пока не хочу превращать в протокол.

— Какому?

— Личному.

Мезенцев чуть повернул голову.

Клим остался спокойным.

— Инга Робертовна, убийство обычно сильно расширяет перечень вопросов, которые перестают считаться личными.

— Для следствия.

— Именно.

— А для меня некоторые вещи всё равно остаются личными.

— Пока вы не объясните, что именно скрываете, мы будем вынуждены рассматривать худшие варианты.

Она чуть усмехнулась.

— Это угроза?

— Нет. Механика расследования.

— Удобная механика.

— Не особенно. Она требует много лишней работы.

Инга прошла к окну.

— Глеб позвонил мне днём.

— Сам?

— Да.

— Что сказал?

— Что нашёл документы, которые могут меня заинтересовать.

Клим чуть изменил позу.

— Какие документы?

— Не объяснил.

— Почему вы поехали вечером?

— Потому что он сказал, что не хочет обсуждать это по телефону.

— Сегодня все любят эту фразу.

Инга посмотрела на него.

— Возможно, потому что телефоны плохо подходят для неприятных разговоров.

— Или люди так думают.

— А вы?

— Я думаю, что неприятный разговор остаётся неприятным независимо от устройства.

Она впервые едва заметно улыбнулась.

— Вы всегда разговариваете как человек, который заранее готовит фразу для книги?

Клим вернулся к теме.

— Что произошло у Ромашина?

Инга снова стала серьёзной.

— Он показал мне копию старого документа.

— Какого?

— Соглашение.

— Между кем и кем?

Она не ответила.

— Инга Робертовна.

— Между моим бывшим мужем и третьим лицом.

— Имя третьего лица?

— Нет.

— Почему?

— Потому что пока не понимаю, имеет ли это отношение к его смерти.

— Это решаем не вы.

— Именно поэтому я не хочу отдавать вам всё сразу.

Мезенцев тихо сказал:

— Смелая стратегия.

Она посмотрела на него.

— Я не обязана облегчать вашу работу.

Клим покачал головой.

— Нет. Но если вы её усложняете, мы начинаем интересоваться причиной.

— Интересуйтесь, если считаете это работой, но не называйте это доверием.

— Уже.

Пауза.

— Документ касался недвижимости, — сказала Инга.

— Какой?

После этого слово «личное» перестало быть уклонением и стало мотивом: за ним лежали деньги, старая сделка и возможная ошибка Ромашина.

— Земельного участка.

Клим и Мезенцев коротко переглянулись.

Инга заметила.

— Что?

— Ничего.

— У вас обоих одинаковое лицо.

— Это тревожный симптом, — сказал Мезенцев.

Клим продолжил:

— Где находился участок?

— В посёлке, где жил Глеб.

— Когда оформлялось соглашение?

— Много лет назад.

— Ваш бывший муж имел отношение к этой земле?

— Да.

— Какое?

— Купил долю через посредника.

— Законно?

— Формально — да.

— А неформально?

Инга медленно села.

— Вот поэтому я и приехала.

— Вы подозревали, что сделка была нечистой?

— Я подозревала, что он скрыл от меня часть собственности во время развода.

— И Ромашин это знал?

— Тогда — нет.

— А теперь узнал?

— Видимо.

— Почему решил рассказать?

— Не знаю.

— Пять лет молчал и вдруг решил помочь?

— Именно это я спросила.

— Что ответил?

Инга посмотрела в сторону.

— Что иногда документы находят человека позже, чем нужно.

Клим отметил эту фразу отдельно: Инга не просила сочувствия, она предъявляла Ромашину счёт за профессиональную слепоту.

Клим задумался.

— И что это значит?

— Понятия не имею.

— Вы поссорились?

— Да.

— Из-за чего?

— Я спросила, почему он не проверил это во время моего дела.

— А он?

— Сказал, что тогда у него не было оснований искать именно там.

— Вы поверили?

— Нет.

— Почему?

— Потому что адвокаты любят называть прошлую небрежность отсутствием информации; это почти универсальная валюта профессии.

Мезенцев едва заметно усмехнулся.

— Чем закончился разговор?

— Я забрала копию.

— Она у вас?

Инга помолчала.

— Да.

— Покажете?

— Нет.

Клим посмотрел на неё внимательнее.

— Почему?

— Потому что там есть информация, не относящаяся к убийству.

— Мы это определим сами.

— Мне уже объяснили.

— Тогда зачем повторять?

— Вдруг вы изменили подход.

— Я редко меняю подход так быстро. Это портит репутацию.

Инга встала.

— Подождите.

Она ушла в соседнюю комнату.

Мезенцев тихо сказал:

— Упрямая.

— Не упрямая.

— А какая?

— Боится не того, что мы найдём убийцу.

— А чего?

— Что найдём что-то её.

Инга вернулась с тонкой папкой.

Положила на стол.

— Вы можете посмотреть здесь.

Клим открыл.

Документ действительно касался доли в земельном участке. Несколько фамилий. Старые даты. Юридические формулировки. Один адрес он сразу узнал — тот самый старый посёлок.

— Ваш бывший муж где сейчас?

— В Лондоне.

— Имя?

— Роберт Эдуардович Зельман.

Мезенцев записал.

— Редкая фамилия.

— Он ею гордится.

— Полезное качество?

— Для него — да.

Клим листал копию.

— Здесь упоминается участок Керна.

Инга посмотрела на него.

— Да.

— Вы знали Романа Керна?

— Нет.

— Аглаю?

— Нет.

— Дом «Сириус» вам о чём-нибудь говорит?

Инга замерла. Совсем слегка.

Но Клим заметил.

— Да, — сказала она.

— Что именно?

— Так назывался один из старых домов.

— Откуда знаете?

— Глеб вчера сказал.

— В каком контексте?

— Что участок раньше относился к территории дома «Си-риус».

— И всё?

— Да.

— Созвездие Большого Пса?

Она посмотрела на него с удивлением.

— При чём здесь это?

— Пока не знаю.

— Тогда необычный вопрос.

— У нас необычное дело.

— Все следователи так говорят?

— Только когда хотят оправдать странные вопросы.

Инга чуть улыбнулась.

— Нет. Созвездиями не интересуюсь.

— Ромашин?

— Насколько знаю, тоже.

Клим закрыл папку.

— Кто ещё знал об этой сделке?

— Мой бывший муж.

— Кто ещё?

— Возможно, его юрист.

— Имя?

— Владлен Мартынович Хвощ.

Мезенцев поднял брови.

— Хвощ?

Инга посмотрела на него.

— Да.

— Запоминающаяся фамилия.

— Его это всегда радовало.

— Впервые понимаю человека.

Клим не улыбнулся.

— Он жив?

— Насколько мне известно.

— Где?

— Москва.

— Хорошо.

Он отложил папку.

— Теперь вопрос, который вам не понравится.

— До сих пор они мне тоже не особенно нравились.

— У вас были личные отношения с Ромашиным?

Инга несколько секунд молчала.

— Нет, никогда...

— Вы уверены?

Она холодно посмотрела на него.

— На такой вопрос трудно быть неуверенной.

— Иногда люди по-разному определяют личные отноше-

ния.

— Тогда сформулируйте точнее.

— Роман, интимная связь...

— Нет.

— Эмоциональная привязанность?

Инга усмехнулась.

— Следователь Фрязин, вы хотите установить состав преступления или написать плохую мелодраму?

— Иногда плохая мелодрама даёт хороший мотив.

— Не в этом случае.

— Почему вы так уверены?

— Потому что я была там.

— Хороший аргумент.

Мезенцев перевёл взгляд в окно.

Клим продолжил:

— Тогда почему вы не хотели сразу объяснять причину визита?

Инга ответила не сразу.

— Потому что документ может изменить результат моего старого развода.

— Деньги?

— Да.

— Большие?

— Достаточные.

— И вы не хотели, чтобы информация вышла наружу раньше времени.

— Именно; для вас этого мало, потому что вы ищете преступление, а для меня это уже ущерб.

— Пока достаточно.

Она посмотрела на него.

— Вы мне не верите.

— Я не распределяю доверие по окончании первого разговора.

— Удобно.

— Очень. Экономит разочарования.

Клим вернулся к вопросу.

— После ухода от Ромашина куда вы поехали?

— Домой.

— Одна?

— Да.

— Кто-нибудь вас видел?

— Консьерж.

— Хорошо.

— Вы думаете, что я вернулась?

— Я пока думаю, кто вообще мог вернуться.

— И что?

— Список слишком длинный.

Она снова посмотрела на папку.

— Глеб чего-то боялся.

Клим сразу насторожился.

— Почему вы так решили?

— Он был раздражён, и это не страх, я знаю разницу.

— Что именно вы заметили?

— Он всё время смотрел в окно в кабинете.

— Вы разговаривали там?

— Последние минут десять.

Клим замер.

— В кабинете?

— Да.

— Вы раньше сказали, что он показал вам документ.

— Сначала в гостиной. Потом сказал, что оригиналы наверху, и мы прошли в кабинет.

— Окно было открыто?

Инга задумалась.

— Нет.

— Почему вы так уверены?

— Потому что было душно, и я сама спросила, почему он не откроет.

— Что ответил?

— Сказал, что там дождь.

Клим посмотрел на Мезенцева.

— Когда вы ушли, окно оставалось закрытым?

— Да.

— Точно?

— Да.

— Ромашин подходил к нему?

— Нет.

— Кто-нибудь ещё был в кабинете?

— Нет.

— На столе лежал лист с точками?

Инга нахмурилась.

— Возможно.

— Вы видели?

— Какой-то лист лежал. Я не рассматривала.

— Где?

— Слева от папки.

— Он его прятал?

— Не заметила.

Клим чуть подался вперёд.

— Он что-нибудь рисовал при вас?

— Нет.

— Держал ручку?

— Да.

— Писал?

— Пометки на документе.

— Какими чернилами?

Инга посмотрела на него с удивлением.

— Серьёзно?

— Да.

— Чёрными.

— Уверены?

— Я не эксперт по ручкам, но, кажется, чёрными.

Клим кивнул.

— Хорошо.

Инга помолчала.

— Что такого в этом окне?

— Пока не знаю.

— Вы уже второй раз спрашиваете.

— Потому что оно слишком заметное.

— В комнате?

— В деле.

Она посмотрела на него с любопытством.

— Я думала, следователи любят заметные вещи.

— Только ленивые.

— А хорошие?

— Хорошие сначала спрашивают, почему вещь так старается быть заметной.

Клим поднялся.

— Пока всё.

Инга тоже встала.

— Папку заберёте?

— Да.

— Вернёте?

— Обязательно.

— Это вы сейчас как следователь обещаете или как человек?

Клим посмотрел на неё.

— Как человек опаснее.

Она впервые рассмеялась.

— Хорошо. Тогда как следователь.

Они вышли.

На лестнице Мезенцев молчал до самого первого этажа.

У подъезда сказал:

— Ну?

— Что?

— Веришь?

— Частично.

— В какую часть?

— В документ.

— А в остальное?

— Пока не знаю.

— Ты сегодня удивительно однообразен.

Клим остановился у машины.

— Она была в кабинете.

— Да.

— Окно было закрыто.

— По её словам.

— И Ромашин сам объяснил почему.

— Дождь.

— Да.

— Потом кто-то его открыл.

Клим кивнул.

— После её ухода.

— Либо она врёт.

— Либо.

Мезенцев открыл машину.

— Но если не врёт, окно открыл следующий посетитель.

— Или сам Ромашин.

— Хотя не хотел мокрый паркет.

— Люди меняют решения.

— Особенно перед убийством.

— Не обязательно.

Они сели.

Савелий завёл двигатель.

— Есть ещё одна вещь.

— Какая?

— Она сказала, что он боялся.

— Да.

— Тарлецкий говорил, что он был упрямым.

— Касьянов — что раздражённым.

— А Инга — что боялся.

Клим посмотрел в окно.

— Разные люди видят разные стороны одного человека.

— Или каждый видит то, что ему выгодно.

— Это тоже.

Телефон Мезенцева зазвонил.

Он включил громкую связь.

— Мезенцев.

Голос сотрудника из управления сообщил, что по старому плану удалось поднять дополнительные сведения.

Савелий посмотрел на Клима.

— Говори.

— Семь исходных участков действительно существовали одновременно. Один — Керна. Ещё два переходили через связанные фирмы. Есть старое неофициальное название группы домов.

Клим поднял глаза.

— Какое?

— «Созвездие».

В машине стало тихо.

Мезенцев выключил громкую связь.

— Ну вот.

— Что?

— Теперь всё становится ещё красивее.

Клим посмотрел на него.

— Красота — плохой критерий истины.

— Но хороший критерий романа.

— Мы не роман пишем.

— Иногда у меня другое ощущение.

Клим взял телефон.

— Что значит «Созвездие»?

— Надо разбираться.

— Кто так называл?

— Старожилы.

— Почему?

— Семь домов стояли так, что на старом плане напоминали звёзды.

Клим замер.

— Напоминали какое созвездие?

— Пока не знают.

— Найдут.

— Найдут.

— И ещё.

— Что?

— Проверь Хвоща.

— Владлена Мартыновича?

— Да.

— Думаешь, новый подозреваемый?

— Нет.

— Тогда зачем?

— Чтобы не превращать каждого нового человека в подозреваемого.

— Логично.

— Он свидетель по старой сделке. Больше ничего.

Мезенцев кивнул.

— Хорошо.

Клим посмотрел на папку Инги.

— И ещё одно.

— Что?

— Она рассказала не всё.

— Почему?

— Потому что человек, который пять минут защищает личную тайну, не отдаёт документ так легко, если это вся тайна.

— Значит, там есть второй слой.

— Скорее всего.

— Связанный с убийством?

— Не знаю.

— Снова.

Клим усмехнулся.

— Иногда честный ответ очень беден словарём.

Машина тронулась.

Они ехали молча несколько минут.

Потом Мезенцев сказал:

— Клим.

— Что?

— Ты ведь уже думаешь про созвездие.

— Конечно.

— И про «Сириус».

— Да.

— Хочешь, я скажу страшную вещь?

— Попробуй.

— Мне начинает нравиться эта версия.

Клим посмотрел на него.

— Вот поэтому её надо срочно проверять.

— Почему срочно?

— Пока ты в неё не влюбился окончательно.

— Я верен.

— Версиям?

— Завтраку.

Клим рассмеялся.

— Это надёжнее.

За окном город жил обычным дневным движением. Люди шли по своим делам, автобусы останавливались у остановок, кто-то спорил у парковки, кто-то спешил через дорогу.

А у Клима в голове постепенно складывалась совсем другая карта.

Ромашин.

Старый посёлок.

Семь домов.

Керн.

«Сириус».

Инга Верницкая.

Земельная сделка.

И рисунок, который всё меньше походил на случайные каракули.

Главная опасность теперь была очевидна.

Слишком многое начинало складываться.

А когда расследование складывается слишком красиво, опытный следователь должен первым делом проверить, не рисует ли он сам линии между точками.

ГЛАВА V

Сын своего отца

«Родители долго помнят нас детьми. Дети ещё долъ-

ше помнят родителям то, что однажды перестали ими быть.»

Всеволод Ромашин не стал ждать, пока его вызовут.

Он позвонил Фрязину сам и предложил встретиться в квартире отца. Не в загородном доме, где накануне вечером произошло убийство, а в московской квартире на Остоженке, которой Глеб Аркадьевич пользовался в те дни, когда не хотел возвращаться за город.

— Всеволод объяснил, почему зовёт именно туда? — спросил Мезенцев, когда Клим убрал телефон. — Или нам предлагается приехать и сохранить некоторую интригу до самого порога?

— Говорит, что хочет кое-что показать и не считает правильным выносить это из квартиры без нашего ведома. В его положении осторожность вполне разумна.

— Хорошее начало. Обычно после фразы «мне нужно кое-что вам показать» следователь либо получает важную улику, либо три часа рассматривает семейные фотографии.

— Иногда семейная фотография и есть важная улика. Именно поэтому рядом со следователем старые альбомы лучше не выбрасывать.

— Вот за это я тебя и не люблю. С тобой даже домашний хлам начинает чувствовать себя вещественным доказательством.

Они ехали по Пречистенской набережной. К середине

дня небо окончательно расчистилось. После ночного дождя Москва казалась вымытой и немного удивлённой собственным состоянием. Солнце отражалось в окнах, на мокрых ещё крышах лежал холодный блеск.

Клим смотрел на реку.

— Что успели собрать по сыну?

Мезенцев перелистнул записи на планшете.

— Двадцать девять лет. Образование экономическое, потом несколько лет работал в инвестиционной компании. Два года назад ушёл и вместе с приятелем открыл небольшую фирму, занимающуюся коммерческой недвижимостью. Не банкрот, не миллионер, долгов, способных заставить человека хвататься за нож, пока не нашли.

— А долги, которые заставляют хвататься за телефон и звонить отцу, были?

— Около года назад отец дал ему деньги на запуск бизнеса. Причём не подарил, а оформил нормальный заём с процентами ниже банковских. Всё аккуратно и вполне в характере Глеба Аркадьевича.

Клим повернулся к нему.

— Собственному сыну выдал заём?

— Именно. Можно назвать это финансовой дисциплиной, а можно тяжёлым отцовским характером. Выбор определения зависит от того, на какой стороне семейного стола сидишь.

— Одно другому не мешает.

Мезенцев убрал планшет.

— Лидия Марковна говорит, что они постоянно спорили. Всеволод считал, что отец вмешивается в его жизнь, а Ромашин был уверен, что сын принимает плохие решения и нуждается в регулярной корректировке курса.

— Классический семейный конфликт.

— Да, только у обычной семьи он заканчивается хлопнувшей дверью, а у богатой к двери иногда добавляется нотариус.

Клим улыбнулся.

— Вот эту фразу можешь оставить себе.

— Спасибо. Наконец-то первая авторская выплата.

Дом оказался одним из тех московских зданий, где отретставрированный фасад обещал дореволюционную историю, а электронные замки и подземный паркинг деликатно сообщали, сколько эта история теперь стоит.

Всеволод ждал их наверху.

Первое, что отметил Клим, — сходство с отцом.

Не внешнее. На фотографии Глеб Ромашин выглядел массивнее, старше своих лет, с тяжёлым уверенным лицом человека, привыкшего говорить последним.

Всеволод был худощавым, подвижным, с короткими русыми волосами. Но манера смотреть на собеседника была та же: прямо, чуть дольше необходимого, словно ответ начинал оцениваться ещё до того, как прозвучал.

— Спасибо, что приехали, — сказал он. — Я понимаю,

что мог явиться к вам сам, но здесь есть вещи, которые я не хотел бы перевозить без вашего ведома. После случившегося я вообще стараюсь ничего не трогать, хотя чувствую себя довольно нелепо в квартире собственного отца.

— Осторожность редко выглядит героически, — ответил Клим, — зато потом избавляет от необходимости объяснять, почему вы проявили инициативу там, где её никто не просил.

Всеволод посмотрел на него с лёгким удивлением.

— Отец бы оценил эту формулировку. Он сам осторожным человеком не был, зато очень любил объяснять окружающим, почему осторожности не хватает именно им.

Клим прошёл в гостиную.

Квартира была строгой и почти безличной. Светлые стены, тёмное дерево, минимум мебели. На книжной полке стояло несколько фотографий. На одной Всеволоду было лет двенадцать. Он держал в руках что-то длинное, установленное на треноге.

Клим остановился.

— На фотографии телескоп? Тарлецкий вчера упоминал, что у вас в детстве было короткое увлечение астрономией.

Всеволод посмотрел на снимок.

— Господи, отец всё ещё держал её здесь. Да, телескоп мне подарили на день рождения, после чего я внезапно решил стать астрономом. Научная карьера продолжалась месяца полтора, потом появился первый нормальный компьютер, и Вселенная проиграла конкуренцию.

Мезенцев усмехнулся.

— Полтора месяца для детского увлечения ещё неплохой срок. Некоторые великие проекты заканчиваются раньше, просто о них потом не принято рассказывать.

— Отец продержался вместе со мной первую неделю, — продолжил Всеволод. — Он вообще любил интересоваться моими увлечениями до тех пор, пока не убеждался, что понимает их лучше меня. После этого начиналась образовательная часть, и моё собственное увлечение постепенно теряло привлекательность.

В голосе не было злости.

Скорее давно знакомая усталость.

— Тарлецкий сказал, телескоп быстро оказался в гараже.

— Арсений Викторович помнит вещи, которые остальные давно выбросили из головы. Иногда это полезное качество, а иногда совершенно невыносимое.

— Вы с ним сейчас близки?

— В детстве был. Теперь встречаемся несколько раз в год, поэтому близостью я бы это уже не назвал. Но он относится к тем людям, которые помнят тебя ребёнком и потому никогда окончательно не признают взрослым.

Всеволод провёл их в кабинет.

Он был значительно меньше загородного. На столе стоял монитор, рядом лежали папки и несколько книг. В углу находился закрытый металлический шкаф.

— Вот это я хотел показать.

Всеволод достал из кармана ключ.

— Вчера утром отец позвонил и попросил приехать сюда. Я приехал днём. Он дал мне этот ключ и сказал, что, если по какой-то причине не сможет сам заняться бумагами из шкафа, я должен передать их Дмитрию Семёновичу Ланцову.

Мезенцев нахмурился.

— Необычное поручение для человека, который сам всю жизнь занимался юридическими делами. Он объяснил, почему вдруг решил привлечь другого адвоката?

— Я спросил примерно то же самое. Отец ответил, что даже стоматологи не лечат себе зубы, если обладают хотя бы минимальным здравым смыслом. Потом добавил, что просто приводит бумаги в порядок и не следует искать драму там, где её нет.

Клим посмотрел на шкаф.

— Ланцов — его личный адвокат?

— Насколько я понимаю, он занимался имущественными вопросами отца, которые тот не хотел проводить через собственную фирму. Отец отдельно подчеркнул, что бумаги следует передать именно Ланцову, а не Касьянову.

— Вас это не насторожило?

Всеволод задумался.

— Скорее удивило. Я решил, что речь идёт о завещании или какой-то собственности. Если бы отец сказал мне: «Я опасаясь за свою жизнь», я бы, наверное, отреагировал иначе. Но ничего подобного он не говорил.

— Вы открывали шкаф после его смерти?

— Да. Ночью, когда узнал, что отца убили. В обычной ситуации я бы не стал нарушать его распоряжение, но после случившегося фраза о том, что он может сам не заняться этими бумагами, зазвучала совсем иначе. Я посмотрел внутрь, ничего не забрал и утром решил позвонить вам.

— Это разумнее, чем самостоятельно выбирать из документов то, что кажется важным. Теперь покажите шкаф.

Всеволод вставил ключ.

Внутри находились несколько папок, конверт, небольшая коробка и стопка документов.

Мезенцев подошёл ближе.

— Пока ничего не вынимайте. Сначала зафиксируем всё так, как оно лежало, а потом уже посмотрим содержимое. После убийства порядок вещей иногда рассказывает не меньше самих бумаг.

Всеволод отошёл.

Пока Савелий фотографировал шкаф, Клим посмотрел на сына погибшего.

— Ночью, когда наши сотрудники разговаривали с вами после сообщения об убийстве, вы сказали, что вечером в посёлок не приезжали. Теперь мы знаем, что это не так.

Всеволод не отвёл глаз.

— Да. Я солгал и с утра уже успел понять, что решение было не особенно умным. В тот момент мне казалось важнее не объяснять, зачем я находился возле дома отца.

— Тогда лучше объясните сейчас. Вторая версия всегда воспринимается хуже первой, даже если она значительно правдивее, поэтому третью я бы вам уже не рекомендовал.

Всеволод прошёл к окну.

Несколько секунд он смотрел вниз.

— Вчера вечером я действительно приехал в посёлок, но к отцу не заходил. Я встречался с матерью.

Клим слегка нахмурился.

— Лидия Марковна в это время находилась в загородном доме. Почему для разговора с ней вам понадобилось встречаться где-то отдельно?

— Потому что она сама попросила не приезжать к дому. Есть небольшая улица за посёлком, возле старой водонапорной башни. Мать выехала туда на своей машине, мы поговорили, после чего она вернулась домой.

Мезенцев закончил фотографировать одну полку и посмотрел на него.

— Получается довольно серьёзная конспирация для семейной беседы. Видимо, вы оба не хотели, чтобы Глеб Аркадьевич узнал о встрече.

Всеволод усмехнулся без веселья.

— В семье Ромашиных даже обычный разговор иногда приходится организовывать как передачу секретных документов. Вчера как раз был такой случай.

Клим не торопил его.

— Мать хотела, чтобы я поговорил с отцом и убедил его

не менять завещание, — продолжил Всеволод. — Именно поэтому ночью я и решил промолчать о поездке. Отец погибает через несколько часов после нашей тайной встречи, а я сообщаю полиции, что мы с матерью обсуждали его наследство. Даже человеку без юридического образования понятно, насколько удачно это выглядит.

— Вы правы, выглядело бы плохо. Теперь выглядит несколько хуже, потому что к завещанию добавилась сознательная ложь. Поэтому дальше лучше обойтись без попыток самостоятельно улучшать впечатление.

Всеволод кивнул.

— Отец собирался изменить завещание не в мою пользу. Мать узнала об этом случайно и решила, что я смогу на него повлиять.

— Каким образом она узнала?

— Нашла проект документа в его загородном кабинете. Не спрашивайте, искала она его специально или наткнулась случайно. Я не знаю и, если честно, предпочёл бы не узнавать. В семейных конфликтах существует момент, после которого подробности уже ничего не улучшают.

— Что именно собирался изменить ваш отец?

— Значительную часть имущества хотел передать в благотворительный фонд. Для меня речь шла о миллионах, поэтому, если вам нужен очевидный финансовый мотив, он действительно существует.

Мезенцев отложил телефон.

— Сам факт мотива ещё ничего не доказывает, но скрытая встреча с матерью делает его гораздо менее теоретическим. Именно поэтому нам придётся подробно проверить ваш вчерашний маршрут.

Всеволод посмотрел на него.

— Проверяйте. Если вы хотите спросить, мог ли я убить отца из-за этих денег, лучше спросите прямо. Я предпочитаю неприятный вопрос в лицо приятному предположению за спиной.

Клим сел напротив.

— Тогда сформулирую иначе. Вы были настолько злы из-за изменения завещания, что вчера собирались выяснять отношения с отцом?

Всеволод чуть усмехнулся.

— Я был зол, но не из-за самих денег. Деньги принадлежали ему. Он мог оставить их фонду, музею, приюту для собак или сжечь на площади, если бы это не нарушало закон. Меня раздражало другое: он объяснил матери, что хочет уменьшить мою долю, потому что большие деньги, по его мнению, окончательно лишат меня необходимости чего-то добиваться самому. В очередной раз отец принял решение за меня и одновременно объяснил, что делает это ради моего же блага.

— Заботливое объяснение.

— Отец умел оскорблять человека под видом заботы. Это был почти профессиональный талант.

— Но с ним вы так и не поговорили?

— Нет. Мать просила не выдавать, что видела проект, а я ещё не решил, как начать разговор, не подставив её. Поэтому и приехал вчера вечером в посёлок. Сначала хотел всё-таки зайти к отцу, потом передумал.

— Что заставило передумать?

Всеволод некоторое время молчал.

— Я сидел в машине примерно в двух кварталах от дома и мысленно репетировал разговор. В какой-то момент понял, что он уже полностью состоялся у меня в голове. Отец произнёс все свои аргументы, я ответил всеми своими. В воображении мы даже поссорились значительно лучше, чем сделали бы это в реальности. После этого желание идти к нему почему-то исчезло.

Мезенцев улыбнулся.

— Удобная форма семейной терапии. Единственный недостаток в том, что второй участник потом даже не знает, насколько убедительно проиграл спор.

— Именно. Я встретился с матерью, сказал, что сегодня разговаривать с отцом не буду, и уехал.

Клим внимательно посмотрел на него.

— К самому дому вы не подходили, через участок не проходили и забор не перелезали?

Всеволод впервые улыбнулся почти открыто.

— Мне двадцать девять, а не пятнадцать. Если бы я решил попасть к отцу, у меня был ключ от калитки. Кроме того, тайное преодоление собственного семейного забора кажется

мне несколько избыточным способом нанести визит.

— Тогда понадобится обувь, в которой вы были вчера вечером. Следы возле дома пока остаются одним из вопросов, на которые у нас нет хорошего ответа.

— Обувь у меня дома. Могу отдать её сразу, когда поедем отсюда. Если вам важен размер, у меня сорок третий.

Мезенцев коротко взглянул на Клима.

Никакого сопротивления.

Клим отметил это, но не сделал выводов.

Человек мог спокойно отдавать обувь по двум причинам: потому что ему нечего скрывать или потому что он уверен, что обувь ничего не покажет.

Следствие вообще плохо переносило слово «поэтому».

Слишком часто после него появлялась уверенность там, где имелось лишь предположение.

Мезенцев закончил фотографировать шкаф.

— Теперь можно смотреть. Только лучше ничего не трогайте сами, Всеволод Глебович. Если понадобится ваше пояснение, мы спросим.

Клим надел перчатки и начал с верхней папки.

Банковские документы.

Вторая — недвижимость.

Третья — переписка с нотариусом.

Ни старого плана, ни упоминаний Керна.

Он достал большой конверт.

Внутри находились копии старых фотографий.

На первой — группа людей возле деревянного дома.

Клим разложил снимок на столе.

— Посмотрите внимательно. Кого-нибудь из этих людей узнаете?

Всеволод подошёл ближе.

— Отца узнаю сразу, здесь он совсем молодой. Рядом, кажется, Арсений Викторович. Остальных уверенно называть не стану, потому что видел некоторых из них только ребёнком.

Мезенцев указал на мужчину справа.

— Это может быть Роман Керн?

Всеволод всмотрелся.

— Возможно. Я встречал его несколько раз, но почти не помню. Если сейчас скажу уверенно, то скорее потому, что вы уже назвали фамилию.

На обороте фотографии была надпись от руки:

«Лето. Созвездие».

Без года.

Клим посмотрел на Мезенцева.

Тот ничего не сказал.

На второй фотографии стояли семь домов, снятых с возвышенности.

Дома были разными. Два больших деревянных, несколько кирпичных, один светлый с высокой крышей.

На обороте — семь фамилий.

Одна была подчёркнута.

Керн.

— Похоже, существование старого «Созвездия» уже не приходится считать только воспоминанием старожилов, — произнёс Мезенцев. — У Ромашина сохранилась целая подборка.

— Вопрос теперь другой, — ответил Клим. — Почему он достал её именно сейчас и какое отношение эти фотографии имеют к тому, чем он занимался перед смертью.

Следующая фотография была сделана ночью.

Горел дом.

Огонь уже охватил крышу, над деревьями поднимался дым. На переднем плане стояли несколько людей.

Клим показал снимок Всеволоду.

— Это дом, который называли «Сириусом»?

Всеволод побледнел.

Не сильно.

Но достаточно.

— Да. Я хорошо помню этот пожар, хотя прошло уже лет пятнадцать.

— Вам тогда было около четырнадцати. Вы находились в посёлке в ту ночь?

— Мы жили там летом постоянно, поэтому я был неподатлёку. Сам пожар тоже видел.

Клим некоторое время смотрел на него.

— Тарлецкий сказал, что в момент возгорания в доме никого не было. Вы почему-то сразу подчеркнули именно это

обстоятельство, хотя я о Керне не спрашивал.

Всеволод отвёл взгляд.

— Наверное, потому что именно так эту историю потом всегда рассказывали: старый дом, пустой ночью, неисправная проводка. Керн куда-то уехал, поэтому никто не пострадал.

— Вы сейчас сделали то же самое, что Тарлецкий вчера. Я спросил о вас, а вы довольно быстро перевели разговор на Керна. Поэтому попробуем ещё раз: кроме самого пожара, вы в ту ночь видели что-нибудь, о чём следствию стоит знать?

Всеволод помолчал.

— Ничего такого, что я мог бы уверенно назвать важным. Но незадолго до пожара мы с Аглаей Керн находились возле «Сириуса». Не внутри дома, а рядом.

Клим взял следующую фотографию.

На ней было четверо подростков на велосипедах.

Один — Всеволод.

— Здесь тоже вы?

— Да. Рядом двое ребят, с которыми мы тогда дружили, а девушка — Аглая.

— Дочь Романа Керна?

— Да. Мы были детьми и часто проводили время вместе. Поэтому никакого противоречия в том, что её я помню значительно лучше, чем её отца, нет.

Клим слегка улыбнулся.

— Я пока и не сказал, что вижу противоречие.

Всеволод посмотрел на него.

— Вы умеете делать паузу так, что человек начинает сам искать слабые места в собственных словах.

— Это значительно дешевле экспертизы, а иногда приносит сопоставимый результат.

Мезенцев усмехнулся.

Всеволод машинально протянул руку к фотографии, но Клим мягко остановил его.

— Лучше пока не трогайте. Расскажите, что стало с Аглаей после пожара.

— Они уехали. Через несколько лет я слышал, что она живёт за границей. Некоторое время мы ещё переписывались, потом связь постепенно исчезла. Люди вырастают, меняют города, друзей, привычки, и в какой-то момент обнаруживают, что последнее письмо было написано несколько лет назад.

— Значит, специальной причины для разрыва общения не было?

Всеволод посмотрел на фотографию.

— Насколько я помню — нет. Но пятнадцать лет спустя я бы не стал превращать обычное взросление в драматическую историю только потому, что теперь это может показаться интересным следствию.

Клим не продолжил.

В конверте оставался последний лист.

Это была ксерокопия какого-то старого плана, но не кадастрового. Скорее нарисованная от руки схема посёлка.

На ней стояли семь кружков.

Между ними — линии.

Клим замер.

Мезенцев подошёл ближе.

Рисунок был почти таким же, как лист, найденный на столе убитого.

Не идентичным.

Но теперь сомнений почти не оставалось.

Семь домов были изображены как семь звёзд.

Возле одного кружка стояла буква «С».

— Теперь уже можно сказать, что рисунок на столе Ромашина не был случайной схемой, — произнёс Мезенцев. — Это практически тот же рисунок.

— Похожий рисунок, — поправил Клим. — Этого достаточно, чтобы связать их между собой, но недостаточно, чтобы объяснить, зачем Глеб Аркадьевич делал новую копию.

Мезенцев посмотрел на него с усмешкой.

— Иногда мне кажется, что ты испытываешь физический дискомфорт, когда в деле появляется хоть что-нибудь определённое.

— Это профессиональная гигиена. Уверенность полезна только после проверки, до неё она обычно мешает.

Всеволод продолжал смотреть на схему.

— Я помню её. Старики называли эти дома Большим

Псом. Не знаю, кто первым это придумал, наверное, ещё до моего рождения. Если смотреть на старый план, дома стояли примерно как главные звёзды созвездия. Потом участки начали дробить, здания перестраивали, и название постепенно забылось.

Клим указал на кружок с буквой.

— А дом Керна называли «Сириусом» потому, что он находился на месте самой яркой звезды?

— Именно так. В детстве мне это казалось очень важным знанием, хотя сейчас я впервые вспоминаю о нём за много лет.

Мезенцев медленно выдохнул.

— Значит, Большой Пёс всё-таки не наша фантазия. Семь домов действительно были наложены на рисунок созвездия.

Клим рассматривал схему.

Вот теперь всё действительно складывалось.

Семь точек на столе Ромашина были не абстрактным созвездием.

Это были семь домов.

Один из них — «Сириус».

Дом, сгоревший пятнадцать лет назад.

Тарлецкий знал старый посёлок и не узнал рисунок.

Инга приехала из-за документа, связанного с землёй «Сириуса».

Ромашин перед смертью достал старые бумаги.

Связь существовала.

Она была настоящей.

И именно поэтому Клим почувствовал первое серьёзное беспокойство.

Мезенцев заметил его выражение.

— Ты наконец получил подтверждение почти всей нашей вчерашней версии, а выглядишь так, словно эксперт только что её уничтожил. Что именно тебе не нравится?

Клим аккуратно убрал схему в пакет.

— Мне как раз нравится слишком многое. Мы нашли объяснение, которое сразу связывает рисунок, Керна, пожар, Тарлецкого и документы Инги. Когда одна версия начинает настолько охотно принимать в себя каждый новый факт, возникает соблазн перестать проверять, действительно ли все эти факты относятся к убийству.

Всеволод наблюдал за ним.

— Но разве само совпадение не говорит о том, что старый посёлок имеет отношение к смерти отца?

— Оно доказывает только то, что ваш отец интересовался этой историей перед смертью. А вот почему он к ней вернулся и связано ли это непосредственно с убийством, нам ещё предстоит выяснить. Хорошее объяснение полезно, пока человек не начинает подгонять под него всё, что видит.

Всеволод помолчал.

— Тогда вам действительно нужно узнать, что случилось в ночь пожара. Потому что отец после него запретил мне рассказывать, что незадолго до возгорания мы находились воз-

ле дома Керна.

Клим посмотрел на него внимательнее.

— Теперь расскажите подробно. Не пытайтесь восстанавливать точное время, если его не помните. Нам важнее последовательность событий.

Всеволод некоторое время собирался с мыслями.

— Нас было четверо. Мы катались на велосипедах, потом сидели возле старого сарая неподалёку от «Сириуса». Аглая ушла домой, остальные разъехались. Пожар начался позже, но насколько позже, я сейчас честно не скажу. Если начну называть часы, половину наверняка придумаю из того, что слышал потом.

— Именно поэтому часы нам сейчас не нужны. Кто-нибудь из вас курил или разводил огонь?

— Я не курил. Один из ребят, Денис, кажется, тогда уже пробовал, но мы сидели возле сарая, а не возле дома. Фамилию его сейчас не вспомню, хотя, если понадобится, попробую найти через старые контакты.

— А ваш отец почему решил, что полиция может заинтересоваться вами?

— Когда выяснилось, что мы были рядом, он пришёл в ярость. Сказал, чтобы я никому об этом не рассказывал, потому что нас начнут таскать по вопросам и кто-нибудь обязательно решит, будто пожар устроили подростки. Тогда мне это объяснение показалось убедительным. Сейчас — уже меньше.

— Потому что, если он был уверен в вашей непричастности, такое беспокойство выглядит чрезмерным?

— Именно. Но я никогда не спрашивал его об этом после. Отец умел закрывать тему таким тоном, что продолжение разговора начинало казаться дурным воспитанием.

— Он помогал Керну после пожара?

— Насколько помню, занимался какими-то документами. Возможно, страховой или землёй, но мне тогда было четырнадцать, и юридические подробности интересовали меня значительно меньше велосипеда.

Клим кивнул.

— Для четырнадцати лет вполне разумная система приоритетов.

Всеволод улыбнулся, но ненадолго.

— Есть ещё одна деталь, которую я раньше вообще не связывал с пожаром. Через несколько дней отец выбросил мой телескоп.

Клим посмотрел на фотографию мальчика у треноги.

— Тот самый, который Тарлецкий помнит в гараже?

— Да. Сначала он действительно стоял там. После пожара отец сказал, что телескоп сломан, и избавился от него. Я тогда страшно возмутился, потому что знал: ничего с ним не было.

— Вы уверены, что он был исправен незадолго до пожара?

— Совершенно. Я пользовался им за несколько дней до этого. Обычно ставил у окна второго этажа или выносил в

сад.

Клим немного помолчал.

— Дом Керна оттуда был виден?

Всеволод медленно поднял глаза.

Теперь он понял вопрос.

— Да. «Сириус» был виден довольно хорошо.

В комнате стало тихо.

Мезенцев заговорил не сразу:

— Вы сами пользовались телескопом в ту ночь или могли дать его кому-нибудь из друзей? Постарайтесь отделить то, что действительно помните, от того, что сейчас кажется логичным.

Всеволод задумался.

— Сам я, насколько помню, не смотрел. Аглая иногда приходила ко мне наблюдать за звёздами, ей это нравилось значительно больше, чем мне. Наверное, именно благодаря ей моя астрономическая карьера и продержалась целых полтора месяца. Но была ли она у нас с телескопом именно в ту ночь, я утверждать не могу.

Мезенцев улыбнулся.

— Вот и выяснилась настоящая движущая сила подростковой науки. Подозреваю, многие великие открытия начинались с причин, которые потом деликатно не включали в учебники.

Всеволод усмехнулся.

— В четырнадцать лет у науки вообще много неожидан-

ных движущих сил.

Клим остался серьёзен.

— И не пытайтесь сейчас заставить себя вспомнить больше. Пятнадцать лет — достаточный срок, чтобы память начала незаметно дописывать удобные подробности. Лучше честное «не помню», чем очень убедительное воспоминание, которого никогда не было.

Он посмотрел на фотографию подростков.

Аглая Керн.

Дочь владельца «Сириуса».

Девочка, которая когда-то смотрела на звёзды через телескоп Всеволода.

Телескоп, который Глеб Ромашин почему-то выбросил вскоре после пожара.

Старая история становилась всё интереснее.

Слишком интересной.

И это беспокоило Клина больше, чем если бы она оставалась бессмысленной.

Он закрыл папку.

— Все документы из шкафа мы временно заберём, составим перечень и оформим всё как положено. Квартира пока останется закрытой. Кроме того, сегодня проверим вашу обувь и подтверждение встречи с матерью. Лидию Марковну мы всё равно будем опрашивать отдельно, поэтому лучше не пытайтесь заранее согласовывать с ней формулировки. Достаточно предупредить, что мы приедем.

Всеволод тяжело вздохнул.

— Она будет в восторге. Хотя, подозреваю, люди вообще редко радуются, когда следователь заранее сообщает о визите.

— По-разному бывает. Цветы, например, несколько улучшают впечатление, но по работе я этот метод не использую.

Мезенцев посмотрел на него с интересом.

— Вот о цветах ты раньше ничего не рассказывал. Учитывая объём сведений, который я вынужден сообщать тебе ежедневно, обмен информацией выглядит явно неравноценным.

— И таким останется. Есть сведения служебные, а есть те, которые разумный человек не доверяет коллегам.

Всеволод впервые за весь разговор рассмеялся совершенно свободно.

— Теперь я начинаю понимать, почему отец однажды сказал, что хороший следователь опаснее хорошего адвоката. Адвокат хотя бы заранее сообщает, чьи интересы представляет.

Клим остановился у двери.

— Хорошая фраза.

— Отцовская.

— Тогда оставим ему.

На улице Мезенцев некоторое время молчал.

Они дошли до машины.

— Я всё-таки хотел бы вернуться к цветам, потому что

в нашем разговоре осталась явно не закрытая следственная версия.

Клим открыл дверь.

— Из всего, что мы только что слышали, тебя заинтересовало именно это? Тогда цветы можешь внести в отдельное производство и расследовать самостоятельно.

Мезенцев сел за руль.

— Мне для начала достаточно одного имени. Вера случайно не имеет отношения к этой тщательно засекреченной части твоей биографии?

Клим посмотрел на него.

— Савелий Юрьевич, существуют вопросы, которые следователь задаёт только тогда, когда заранее согласен жить с последствиями. Я бы на твоём месте сначала оценил риски.

— Аргумент принят. Считаю, что версия временно снята с разработки.

— Вот это уже разумное профессиональное решение.

Они выехали на набережную.

Несколько минут Клим молчал, перебирая в голове услышанное.

Семь домов действительно существовали.

Их действительно называли Большим Псом.

Дом Керна действительно был «Сириусом».

Пятнадцать лет назад он сгорел.

Ромашин действительно имел отношение к последствиям пожара.

Тарлецкий не хотел говорить о прошлом.

Инга получила документ, связанный с землёй Керна.

Всеволод скрывал, что в вечер перед убийством находился возле посёлка, а пятнадцать лет назад — рядом с «Сириусом» незадолго до пожара.

И накануне смерти Глеб Ромашин снова достал старую схему.

Мезенцев первым нарушил молчание.

— Если собрать всё, что мы получили со вчерашнего вечера, получается очень убедительная история. Причём настолько убедительная, что я уже заранее знаю: тебе она не нравится.

— Она мне нравится именно этим и не нравится. Мы начали рассказывать себе историю раньше, чем собрали все факты. После первых трёх совпадений человек четвёртое уже ищет специально, а пятое иногда придумывает, даже не замечая этого.

Мезенцев некоторое время обдумывал сказанное.

— Тогда старого Большого Пса пока отодвигаем и возвращаемся к тому, чем Ромашин занимался в последние дни?

— Не отодвигаем. Проверяем обе линии одновременно. Старый пожар никуда не денется, а вот настоящее пока изучено гораздо хуже: Касьянов, работа фирмы, последние дела Ромашина, деньги, завещание, документы, звонки. Всё, что происходило не пятнадцать лет назад, а непосредственно перед убийством.

— Справедливо. Мёртвое прошлое вообще терпеливее живого настоящего. Оно уже столько лет пролежало спокойно, что ещё один день переживёт.

Клим повернулся к нему.

— Вот это можешь записать.

— В твой будущий сборник?

— Нет. Иногда ты случайно говоришь умные вещи. Такие события лучше фиксировать вместе с датой.

— Я знал, что похвала от тебя обязательно окажется с производственным дефектом.

Они рассмеялись.

На перекрёстке машина остановилась.

Клим посмотрел вверх.

Дневное небо было чистым, глубоким, совершенно пустым.

Он неожиданно вспомнил Веру.

Не потому, что Мезенцев только что назвал её имя. Вспомнил давний разговор, когда она сказала, что город почти отучает человека смотреть вверх: слишком много света, окон, вывесок, этажей, слишком много всего происходит на уровне глаз.

Он достал телефон.

Несколько секунд смотрел на экран.

Потом написал:

«Ты умеешь находить Большого Пса?»

Ответ пришёл не сразу.

Мезенцев заметил движение телефона, но на этот раз благодарно промолчал.

Через несколько минут экран засветился.

«Зависит от того, какого. Если настоящего — по лаю. Если небесного — тебе придётся признаться, зачем он понадобился следовательно среди рабочего дня».

Клим улыбнулся.

Напечатал:

«Профессиональная необходимость».

Ответ появился почти сразу:

«Так обычно говорят люди, которые хотят бесплатно получить консультацию архитектора по астрономии».

Клим написал:

«Я заплачу кофе».

Вера ответила:

«Фрязин, за кофе я могу показать тебе Сириус. Всё созвездие стоит как минимум ужина».

Клим убрал телефон.

Мезенцев всё-таки не выдержал:

— Судя по выражению твоего лица, профессиональная консультация неожиданно оказалась платной. Надеюсь, управление выдержит расходы?

— Боюсь, наблюдается инфляция. Причём в данном случае буквально астрономическая.

Мезенцев посмотрел на него, понял и рассмеялся.

Клим снова перевёл взгляд на дорогу.

Впервые за два дня мысль о Большом Псе не была связана у него с убийством.

И это оказалось неожиданно приятно.

Но ненадолго.

Телефон снова завибрировал.

На этот раз звонили из управления.

Мезенцев включил громкую связь.

Эксперт по документам говорил спокойно и обстоятельно. Он закончил предварительный просмотр бумаг, изъятых ночью из загородного кабинета Ромашина.

Среди них оказалась папка по «Арден Групп».

И в этой папке обнаружилось то, чего там, по словам Матвея Касьянова, быть не должно было.

Не просто сомнительные документы клиента.

Несколько переводов проходили через счёт компании, связанной непосредственно с юридической фирмой Ромашина и Касьянова.

Клим перестал смотреть в окно.

— Повторите последнюю часть и уточните, насколько надёжно установлена связь этой компании с фирмой Ромашина. Мне важно понять, речь идёт о прямом отношении или пока только о совпадении лиц и реквизитов.

Эксперт объяснил подробнее.

Мезенцев медленно убрал улыбку.

— Если всё подтвердится, проблема была не только у клиента. Получается, Касьянов рассказал нам историю так, буд-

то подозрительные операции находились по другую сторону его письменного стола.

Фрязин задумался.

— Он не обязательно рассказал другую историю. Гораздо интереснее, если рассказал правду и просто остановился в том месте, где правда начинала становиться неудобной лично для него. Частичная правда часто надёжнее лжи именно потому, что её труднее поймать на противоречии.

— Тогда возникает желание снова поговорить с ним. Но, судя по твоему лицу, ты сейчас скажешь, что рано.

— Именно. Сначала установим владельцев компании, разберём движение денег и выясним, кто имел доступ к этим документам. Отдельно нужно понять, знал ли Касьянов, что Ромашин обнаружил переводы. Если вызвать его сейчас, мы просто бесплатно сообщим, насколько далеко продвинулись.

Мезенцев кивнул.

— То есть в этот раз сначала постараемся узнать больше него, а уже потом дадим возможность объясняться. Кажется, я действительно начинаю усваивать твою систему.

Клим улыбнулся.

— Не обольщайся. Ты просто слишком долго находишься рядом. Это не обучение, а профессиональное заражение.

— Тогда радуется хотя бы то, что симптомы пока позволяют водить машину.

Машина свернула к управлению.

Клим подумал, что дело только что изменилось.

Впервые появилась линия, которая никак не зависела от старого пожара.

Именно этого он ждал.

Потому что самая опасная версия расследования — не та, которая оказывается ложной.

Самая опасная — та, в которой слишком много правды.

Старое «Созвездие» существовало.

«Сириус» действительно сгорел.

Ромашин действительно вернулся к той истории незадолго до смерти.

Все эти точки были настоящими.

Оставалось выяснить главное.

Кто решил, что между ними обязательно нужно провести линию.

ГЛАВА VI

Карта звёзд

«Иногда человеку легче поверить в рисунок, чем признать, что перед ним всего лишь несколько случайных точек.»

К вечеру вторника Москва снова начала собирать над собой облака.

День, ещё недавно ясный и почти холодно-прозрачный, постепенно терял резкость. Над крышами тянулась тонкая сероватая дымка, воздух стал мягче, а редкие порывы ветра

приносили запах мокрого асфальта, хотя дождя пока не было.

Клим вышел из управления позже, чем рассчитывал.

Последние два часа они с Мезенцевым провели над материалами «Арден Групп». Пришли первые ответы по связанным компаниям, несколько запросов пришлось уточнить, а повторный разговор с Касьяновым решили отложить до тех пор, пока не появятся документы, которые можно будет положить перед ним на стол.

Савелий проводил Клим до выхода.

— Ты всё-таки идёшь на консультацию по астрономии?
— спросил он.

Клим застегнул пальто.

— Меня поражает твоя способность помнить сведения, которые не имеют никакого отношения к твоим служебным обязанностям.

— Неправда. Если следователь после рабочего дня встречается с архитектором, чтобы изучать звёзды, я обязан хотя бы убедиться, что перегрузки ещё не сказались на его рассудке.

— Мой рассудок чувствовал себя значительно лучше до начала твоего обследования.

— Я беспокоюсь исключительно как коллега.

— Тогда беспокойся молча. Это самая ненавязчивая форма коллегиальной помощи.

Мезенцев улыбнулся.

— Кстати, ужин всё-таки дороже кофе. Вера сама повысила тариф или ты плохо провёл переговоры?

Клим посмотрел на него.

— Савелий, ты удивительно смело разговариваешь с человеком, который завтра будет распределять бумажную работу.

— Вот теперь узнаю прямую угрозу.

— Нет. Это административная перспектива.

— В твоём исполнении разница невелика.

Они расстались у дверей.

Клим прошёл несколько кварталов пешком.

Ему хотелось немного проветрить голову после дня, почти целиком состоявшего из чужих объяснений.

Тарлецкий скрывал прошлое.

Верницкая — настоящую причину визита.

Всеволод солгал о своей поездке в посёлок.

Касьянов, судя по первым финансовым документам, тоже рассказал далеко не всё.

При этом причины для молчания у каждого были свои.

Пока это означало только одно: прежде чем обвинять кого-либо во лжи, следовало понять, что именно человек пытался ею прикрыть.

Телефон завибрировал.

Вера написала:

«Я уже здесь. И предупреждаю: никакой бесплатной лекции. Ты сам согласился на ужин».

Клим ответил:

«Я рассчитывал хотя бы на скидку следствию».

Ответ пришёл почти сразу:

«Следствие получает право задавать вопросы. Ответы оплачиваются отдельно».

Он улыбнулся и убрал телефон.

Кафе находилось на тихой улице недалеко от Патриарших. Небольшое, с широкими окнами и несколькими столиками снаружи, которыми в начале осени уже почти не пользовались.

Вера сидела у окна.

Перед ней лежала сложенная вчетверо бумага.

Клим заметил её раньше, чем меню.

— Ты действительно принесла карту?

Вера подняла глаза.

— Я обещала показать тебе Большого Пса. Мне не хотелось, чтобы московское следствие осталось без необходимых астрономических знаний только из-за облачности.

Она была в светлом плаще, волосы собраны небрежно, будто на это ушло меньше минуты.

Клим сел напротив.

— Архитекторы теперь занимаются созвездиями?

— Архитекторы привыкли к точкам и линиям. Правда, обычно наши точки стоят на земле и стоят значительно дороже.

— А следствие?

— У вас всё наоборот. Сначала неизвестно, что сколько стоит, зато потом обязательно находится человек, который дорого заплатил за ошибку.

— Это уже похоже на попытку заработать второй ужин.

— Не беспокойся. Второй будет дороже.

Подошёл официант.

Они сделали заказ, и Вера развернула лист.

Это была подробная карта участка неба. Звёзды обозначались кружками разного размера, рядом стояли названия и буквенные обозначения.

Вера указала на крупную точку.

— Вот Сириус. А это Большой Пёс.

Клим наклонился ближе.

— Значит, Сириус здесь действительно выделяется сразу.

— Конечно. Это самая яркая звезда ночного неба.

Клим достал телефон.

— Подожди.

Он открыл фотографию листа, найденного возле тела Ромашина.

Семь точек.

Одна темнее остальных.

Рядом с ней — маленькая зачёркнутая пометка.

Вера перевела взгляд с экрана на карту.

— Это и есть ваш рисунок?

— Да.

Клим открыл вторую фотографию — старую схему из

московской квартиры Ромашина.

Теперь перед ними были три изображения: настоящее созвездие, схема старых домов и лист со стола убитого.

— Вот теперь интереснее, — сказал он.

— Мне начинать волноваться за ужин?

— Пока нет. Посмотри на две последние схемы. Как человек, привыкший к планам.

Вера придвинула телефон.

Сначала смотрела молча.

— Они явно связаны, — сказала она наконец. — Но это не копия звёздной карты.

— Почему?

— Пропорции другие. Здесь две точки стоят ближе, здесь угол изменён. Старый план и рисунок Ромашина гораздо больше похожи друг на друга, чем каждый из них на настоящее созвездие.

Клим кивнул.

— Значит, Ромашин рисовал не небо.

— Судя по всему, он воспроизводил расположение домов. Это было небольшое уточнение.

Но важное.

До сих пор рисунок на столе Ромашина оставался одновременно и созвездием, и старой схемой. Теперь одно можно было отделить от другого.

Ромашина интересовали не звёзды.

Его интересовал посёлок.

Клим увеличил фотографию.

— А вот это?

Вера наклонилась.

— Возле выделенной точки?

— Да.

— Похоже на зачёркнутую отметку. Может быть буква, может быть короткая линия. Качество фотографии не позволяет понять.

— На старой схеме её нет.

— Тогда он добавил её позже.

— Или ошибся.

— Или ошибся, — согласилась Вера. — Не требуй от архитектора уголовной версии. Мы обычно выясняем ошибки до того, как появляется следователь.

Клим усмехнулся.

Выделенная точка соответствовала «Сириусу».

Зачёркнутая отметка появилась только на новом рисунке.

Если она была не случайной, Ромашин отмечал какое-то изменение возле бывшего участка Керна.

Это уже можно было проверить.

— Мне нужны старые межевые планы, — сказал он скорее себе.

— Значит, ужин официально стал рабочим?

— Пока только его небольшая часть.

— Предупреждать надо заранее. У рабочего ужина другие расценки.

Он убрал телефон.

— Я начинаю понимать, почему архитектура такая дорогая.

— Потому что заказчики постоянно добавляют новые задачи после утверждения бюджета.

Принесли еду.

Некоторое время о деле они не говорили.

Вера рассказывала о новом проекте, владелец которого трижды менял требования к зданию и каждый раз уверял, что архитекторы просто неправильно поняли его первоначальный замысел.

— Самое удивительное, — сказала она, — он каждый раз совершенно искренен. Человек не лжёт. Он действительно уверен, что всегда хотел именно то, что придумал утром.

— Удобное качество.

— Для него — да. Для остальных дорогое.

Клим рассказал ей о Мезенцеве, который всё настойчивее считал личную жизнь коллег частью оперативной информации.

— Может быть, он просто заботится о тебе.

— Савелий заботится так, что после этого обычно приходится что-нибудь объяснять.

— Значит, хороший оперативник.

— К сожалению.

Они улыбнулись.

Клим заметил, как быстро разговор ушёл от убийства.

Не потому, что дело стало менее важным. Просто здесь, за маленьким столом у окна, оно на время перестало занимать всё пространство вокруг.

После ужина Вера снова развернула карту.

— Кстати, есть одна вещь, которую на таких схемах легко забыть.

— Какая?

— Эти линии условны. На небе их нет. Люди сами решают, какие звёзды соединить, чтобы получить фигуру.

Клим посмотрел на неё.

Вера провела пальцем над картой.

— Покажи человеку несколько точек без подписи — он может вообще не увидеть собаку. Скажи заранее, что это Большой Пёс, и через секунду собака покажется ему совершенно очевидной.

Клим задержал взгляд на карте.

— То есть сначала название, потом рисунок.

— Иногда.

Он вспомнил, в какой последовательности развивалось дело.

Сначала семь точек.

Затем Сириус.

Потом старый посёлок.

После этого рядом почти сами собой оказались Тарлецкий, Верницкая, Всеволод, пожар, документы Керна.

Связь между ними действительно существовала.

Вопрос был в другом: имела ли она отношение к смерти Ромашина?

— Вот это уже полезно, — сказал Клим.

— Я начинаю сожалеть, что не выставила счёт заранее.

— Поздно. Консультация получена.

— Тогда хотя бы не говори потом, что архитектор раскрыла тебе дело.

— Не беспокойся. До этого тебе ещё далеко.

— Какая неблагодарность.

Больше к этому они не возвращались.

За окном стемнело.

Вера посмотрела на улицу.

— Если облака разойдутся, попробуем найти Сириус без бумаги.

— Сегодня?

— Ты заплатил за всё созвездие. Я стараюсь выполнить договор полностью.

— Я рассчитывал на услугу внутри помещения.

— Тогда надо было покупать только карту.

Через двадцать минут они вышли.

Воздух стал прохладнее. Ветер разогнал часть облаков, но городское небо всё ещё оставалось слишком светлым.

Вера несколько раз посмотрела вверх.

— Сегодня, боюсь, ничего убедительного не получится. Москва в плохих отношениях со звёздами.

— Ты часто их ищешь?

— Не особенно. Но за городом иногда смотрю. Там хотя бы не приходится выбирать между Сириусом и рекламной вывеской.

Они медленно шли к перекрёстку.

— Ты ведь теперь будешь проверять ту пометку возле участка? — спросила Вера.

— Да. Старые границы земли, изменения после пожара, раздел участка. Если Ромашин что-то отметил, должно найтись объяснение.

— А если не найдётся?

— Значит, пометка была неважной.

Вера посмотрела на него с улыбкой.

— Мне нравится, что следователи иногда способны признать существование ненужных чёрточек.

— Не распространяй эту информацию. Пострадает репутация ведомства.

Телефон Клима завибрировал.

Сообщение от Мезенцева:

«Есть ответ по компании, через которую шли переводы. Учредитель номинальный. Доверенность на операции оформлялась через человека из фирмы Ромашина. Завтра покажу».

Клим остановился.

Прочитал ещё раз.

— Работа? — спросила Вера.

— Да.

— По звёздам?

— Нет. По деньгам.

— Уже звучит значительно менее романтично.

— Зато привычнее для уголовного дела.

Он убрал телефон.

Компания из цепочки «Арден Групп».

Номинальный учредитель.

Человек, связанный с юридической фирмой.

Эта линия пока никак не касалась старого пожара.

И именно поэтому её нельзя было оставлять на потом.

Они дошли до машины Веры.

Она открыла дверь, но задержалась.

— В следующий раз покажу тебе настоящий Большой Пёс.

При условии, что небо будет нормальным.

— Только одно условие?

— Второе ты всё равно не выполнишь.

— Какое?

— Не приносить на встречу уголовное дело.

Клим улыбнулся.

— Тогда действительно невыполнимое.

— Я так и думала.

Она села в машину.

Клим подождал, пока автомобиль выедет со стоянки, и только потом достал телефон.

Позвонил Мезенцеву.

Тот ответил быстро.

— Я как раз собирался уточнить сообщение. Человек, который оформлял доверенность, формально в штате фирмы не числится, но несколько лет выполнял поручения Касьянова.

— Именно Касьянова?

— По тем материалам, что получили сейчас, да. Утром будут заверенные копии, тогда можно будет говорить увереннее.

— Хорошо. Сегодня ничего не предпринимаем. Касьянова не вызываем.

— Согласен. Я тоже хочу сначала увидеть бумаги.

— И ещё подними изменения границ бывшего участка Керна после пожара. Межевые документы, кадастровые планы, сделки по разделу земли.

— Из-за пометки возле «Сириуса»?

— На старой схеме её нет, на рисунке Ромашина есть. Проверим, не отмечал ли он изменение участка.

— Понял. Сделаю двумя отдельными запросами, чтобы старый посёлок не смешивать с «Арден Групп».

— Именно.

К этому вечеру Клим впервые сознательно развёл дело на три самостоятельные дороги. Следы под окном должны были получить своего владельца. Старый посёлок — объяснить семь точек и тёмный «Сириус». А «Арден» пока оставался современной деловой историей с непонятными платежами. Соединять эти три вещи только потому, что они оказались

рядом в одном деле, Фрязин не собирался.

Мезенцев помолчал.

— Астрономия всё-таки оказалась полезной?

— Карта оказалась полезной.

— Я и не сомневался, что ты сформулируешь именно так.

— До завтра, Савелий.

— Подожди.

Интонация Мезенцева изменилась.

Клим остановился у края тротуара.

— Что случилось?

— Только что прислали предварительное сравнение обуви Всеволода со следами под окном. Эксперт ещё не подписал заключение, поэтому воспринимай именно как предварительное.

— Говори.

— Кроссовки, которые мы у него забрали, сорок третьего размера. Тип подошвы соответствует следу. Несколько элементов рисунка протектора тоже совпадают.

Клим нахмурился.

— Насколько уверенно?

— Настолько, чтобы эксперт оставил обувь на подробное сравнительное исследование. Но недостаточно, чтобы сейчас сказать: след точно его.

— Хорошо. Значит, до заключения ничего не утверждаем.

— Разумеется. Но есть ещё одна деталь.

— Какая?

— На правой подошве повреждён один из поперечных выступов. На лучшем отпечатке возле участка в соответствующем месте тоже есть разрыв рисунка. Эксперт хочет проверить размеры и положение.

Несколько секунд Клим молчал.

Это уже было хуже.

Всеволод признал, что приезжал в посёлок.

Признал встречу с матерью.

Но совершенно определённо сказал, что к дому отца не подходил.

— Когда будет окончательный результат?

— Обещают утром.

— Всеволоду не звони.

— Я тоже так подумал. Если след его, пусть сначала ещё раз расскажет нам, где именно он был.

— Нет.

Мезенцев замолчал.

— Что «нет»?

— Если совпадение подтвердится, сначала установим направление следов и всё, что можно вытащить из грунта. А потом поговорим с ним. Не хочу получить ещё одно объяснение раньше фактов.

— Справедливо. У нас их и так сегодня было достаточно.

— До утра ничего не меняем.

— Понял.

Клим уже собирался отключиться, когда Мезенцев добавил:

— Клим, если это его кроссовки, он подошёл почти к самому окну кабинета.

— Знаю.

Связь оборвалась.

Клим ещё некоторое время стоял на тротуаре.

Мимо проехал автобус, за ним несколько машин. На другой стороне улицы закрывали летнюю веранду ресторана. Обычный московский вечер продолжался так, словно ничего совершенно не интересовало, что произошло ночью в загородном доме Глеба Ромашина.

Клим снова открыл фотографию места преступления.

Окно.

Мокрая земля.

Цепочка следов, первый хороший отпечаток чуть в стороне.

В главе дела эта улика до сих пор оставалась почти безымянной.

Теперь у неё мог появиться владелец.

Он увеличил снимок отпечатка.

Если экспертиза подтвердит совпадение, утром Всеволоду Ромашину придётся объяснить не то, почему он солгал о поездке в посёлок.

С этим они уже разобрались.

Ему придётся объяснить, почему след от его обуви ока-

зался под окном комнаты, в которой той же ночью убили его отца.

ГЛАВА VII

След сорок третьего размера

«Иногда ложь опасна не тем, что скрывает преступление, а тем, что заставляет искать его не там.»

Утро среды началось с холодного света.

После двух дней дождя Москва наконец выглядела сухой, но не ясной. Небо стало высоким и бесцветным, деревья вдоль улиц потемнели, а асфальт местами ещё сохранял влажный блеск.

Клим приехал в управление раньше обычного.

Мезенцев уже был на месте.

На столе перед ним лежала тонкая папка и бумажный стакан с кофе.

— Ты либо не спал, либо наконец понял ценность раннего рабочего дня, — сказал Клим.

— Я понял ценность эксперта, который позвонил в семь двадцать утра и сообщил, что хочет осчастливить нас до начала нормальной жизни.

— Получилось?

— Смотря кого считать счастливым.

Мезенцев подвинул папку.

— След принадлежит кроссовкам Всеволода Ромашина.
Клим не сел.

— Уверенно?

— Достаточно. Размер, модель протектора, износ, повреждение поперечного выступа на правой подошве. Совпадают индивидуальные признаки, которые удалось получить с лучшего отпечатка.

Клим открыл заключение.

Текст был сухим, осторожным и почти лишённым той категоричности, которую любили следователи и не любили эксперты.

Но смысл оставался однозначным.

След возле окна действительно оставил Всеволод.

— Лучший отпечаток примерно в двух метрах от стены,
— продолжил Мезенцев. — Под самым окном грунт перемешан дождём, поэтому там только фрагменты. Но направление движения восстановили лучше, чем вчера.

Он раскрыл схему участка.

— Всеволод пришёл со стороны боковой дорожки. Здесь первый различимый след, дальше несколько смазанных, потом хорошие отпечатки ближе к окну. После этого цепочка возвращается к старому забору.

Клим провёл пальцем по схеме.

— Значит, он подходил к дому.

— А не выходил из окна.

Это меняло многое.

Следы, которые с первой ночи выглядели продолжением преступления, принадлежали человеку, который, судя по всему, вообще не входил в дом.

— А забор?

— Цепочка доходит до того места, где сломана ветка. На внешней стороне нашли ещё два фрагмента похожего протектора. Качество плохое, поэтому эксперт их отдельно не идентифицирует, но общая картина понятна: человек отошёл от окна и перелез через забор.

Клим закрыл папку.

— Значит, Всеволод солгал второй раз.

— Первый раз он отрицал весь приезд. Вчера признал встречу с матерью, но отдельно подчеркнул, что к дому не подходил.

— Люди редко исправляют всю ложь сразу.

— Экономят правду?

— Обычно исправляют только ту часть, которую уже поймали.

Мезенцев взял телефон.

— Вызываем?

— Попроси приехать. Спокойно и без лишних формулировок: пока нам нужно не обвинение, а точная последовательность его вчерашнего маршрута.

— А я уже хотел сказать, что следствие располагает неопровержимыми доказательствами и кольцо сжимается.

— Оставь это для мемуаров.

— Ты всё-таки допускаешь, что я их напишу?

— Только если пообещаешь никому не показывать.

Через час Всеволод Ромашин вошёл в кабинет.

На этот раз выглядел он хуже.

Не испуганным — скорее вымотанным. Судя по лицу, ночь он провёл без сна или очень близко к этому. Сел без приглашения, положил телефон на край стола и посмотрел на Клима с раздражённой усталостью человека, уже несколько раз рассказавшего одну историю и начинающего подозревать, что сегодня от него потребуют новую.

— Что ещё? Я вчера, кажется, ничего не оставил при себе.

— Оставили, — сказал Клим. — Небольшую прогулку возле окна кабинета вашего отца.

Всеволод не переспросил.

Только отвёл глаза.

Мезенцев сидел чуть в стороне и медленно размешивал давно остывший кофе.

Клим положил перед Всеволодом копию заключения.

— Следы возле окна оставили ваши кроссовки. Эксперт сравнил не только размер и рисунок подошвы. Совпало повреждение на правом протекторе.

Всеволод прочитал несколько строк и вернул лист.

— Я могу объяснить.

— На это я и рассчитываю.

Несколько секунд он молчал.

Потом откинулся на спинку стула.

— После встречи с матерью я действительно не уехал сразу. Сел в машину и просидел там какое-то время. Я был зол на неё, на отца, на всю эту историю с завещанием. Потом увидел, как от дома отъехала машина.

Клим поднял взгляд.

— Узнали?

— Нет. Тёмная легковая. Я был далеко, номера не видел. Решил, что отец остался один.

— И пошли к нему.

— Да. Хотел поговорить. Даже не столько про деньги. Мне надоело, что он всё решал за других, а потом объяснял, что делает это для их же пользы.

В голосе Всеволода впервые появилось не раздражение от следствия, а настоящее раздражение на отца.

Клим не мешал.

— Я дошёл почти до дома, — продолжил Всеволод. — Свет в кабинете горел. И только тогда понял, что отец не один.

— Услышали разговор?

— Сначала голос отца. Второго человека почти не было слышно. Окно было закрыто. Я подошёл ближе, поэтому и оставил следы.

Он помолчал, будто снова видел перед собой освещённое окно.

— Отец говорил: «Я уже решил». Потом: «Это ничего не меняет». Не дословно, возможно, но смысл был такой. Он

злился. Второй человек отвечал тихо, и от этого отец, кажется, раздражался ещё сильнее.

Мезенцев поставил стакан на стол.

— Мужчина или женщина?

Всеволод покачал головой.

— Не стану придумывать. Через закрытое окно я слышал интонацию лучше, чем сам голос. Это мог быть мужчина. Могла быть женщина.

Клим кивнул.

Он не хотел предлагать Всеволоду фамилии. Слишком легко человек начинал узнавать голос после того, как ему объясняли, чей именно голос следовало вспомнить.

— Машина, которую вы видели до этого, могла принадлежать этому человеку? — спросил он.

— Могла. А могла вообще проехать от соседнего дома. Я не видел, откуда именно она выехала.

Один посетитель мог уехать, другой остаться.

Но могла не существовать и сама смена посетителей.

Пока оба варианта были одинаково возможны.

— Что вы видели через окно?

Всеволод потёр ладонью лоб.

— Отца. Шторы были задёрнуты не полностью, между ними оставался просвет. Он стоял возле стола, потом подошёл к окну и немного отодвинул штору. Я даже подумал, что он меня заметил.

— Но не заметил?

— Думаю, нет. Я стоял сбоку. Если бы увидел, наверняка вышел бы или хотя бы дал понять.

— Окно оставалось закрытым?

— Всё время, пока я был там.

Клим задержал взгляд на Всеволоде.

Это становилось уже третьим свидетельством одного и того же.

Нелли закрыла окно до дождя.

Верницкая видела его закрытым во время своего визита.

Теперь Всеволод подтверждал, что оно оставалось закрытым ещё позже.

Значит, открыли его после.

Но кто именно и зачем, пока оставалось неизвестным.

— В какой момент вы решили уйти?

— Когда услышал: «Я не собираюсь снова это обсуждать».

Тогда понял, что если сейчас войду со своим завещанием, отец просто вышвырнет нас обоих — и меня, и того, кто уже сидел у него в кабинете.

Мезенцев усмехнулся.

— По крайней мере, здравый смысл появился вовремя.

Всеволод посмотрел на него.

— Если бы он появился немного раньше, я бы вообще не приехал в посёлок.

— Это существенно облегчило бы работу нескольким людям, — согласился Савелий.

Клим не стал прерывать их.

Всеволод чуть расслабился.

— После этого я ушёл. Но не к машине.

Он криво улыбнулся.

— Да, понимаю. Сейчас будет ещё одна часть, которую следовало рассказать вчера.

— Я начинаю привыкать, — сказал Клим.

— Я перелез через старый забор и пошёл в сторону бывшего участка Керна.

Мезенцев вскинул брови.

— К «Сириусу»?

— В ту сторону. До самого участка не дошёл.

— Почему туда? — спросил Клим.

На этот раз Всеволод задумался.

— Наверное, потому что знал дорогу с детства. А может, просто не хотел возвращаться к машине той же тропой. Там раньше был проход между участками. Сейчас всё застроили, но кусок старой дорожки остался.

— Сломанная ветка возле забора?

— Возможно, я. Было темно, зацепился за что-то, когда перелезал.

Ещё одна эффектная деталь места преступления становилась значительно прозаичнее.

Следы.

Забор.

Сломанная ветка.

Всё это могло не иметь к убийце никакого отношения.

Всеволод некоторое время смотрел на собственные руки.

— Я понимаю, как всё выглядит. Поэтому и промолчал вчера. Сначала соврал, что вообще не приезжал. Потом признался в разговоре с матерью и решил, что если добавлю ещё окно, забор и «Сириус», вы просто перестанете слушать всё остальное.

— Вместо этого мы нашли всё сами.

— Я уже понял, что план был неудачный.

— Очень.

Всеволод впервые улыбнулся почти нормально.

— Хотя бы в этом мы согласны.

Клим подвинул к нему стакан воды.

— Вы сказали, что видели отца возле стола. Он что-нибудь держал?

Всеволод сделал несколько глотков.

— Кажется, бумагу. Обычный белый лист. Он то держал его, то клал на стол.

Клим открыл на телефоне фотографию схемы с семью точками.

— Это мог быть этот лист?

Всеволод долго смотрел на экран.

— Возможно. Но если скажу, что уверен, совру уже в третий раз. С такого расстояния я видел только белую бумагу.

Мезенцев усмехнулся.

— Прогресс очевиден.

Всеволод посмотрел на него, но на этот раз без раздраже-

ния.

— Человек способен учиться даже в Следственном управлении.

— Вот это уже почти комплимент.

Клим убрал телефон.

— Он показывал бумагу собеседнику?

— Может быть. В какой-то момент держал перед собой, словно что-то объяснял. Но второго человека я не видел.

— Этого достаточно.

Клим сделал короткую запись.

— Есть ещё одна деталь. Позже Нелли Шафран слышала другой фрагмент разговора вашего отца.

Всеволод насторожился.

— Какой?

— Она запомнила слова: «Этого я делать не буду», «слишком поздно» и «завтра утром всё закончится». Вы ничего подобного не слышали?

Всеволод сразу покачал головой.

— Нет. Точно нет.

— Значит, это было позже.

— Получается, да.

Клим не стал уточнять минуты.

Они всё равно ничего не дали бы.

Важнее была последовательность.

После встречи с матерью Всеволод некоторое время оставался в посёлке.

Увидел отъезжающую машину.

Подошёл к дому.

Услышал спор.

Ушёл.

Позднее Нелли услышала уже другие слова.

Это мог быть один долгий разговор.

А могли быть два разных.

Именно это теперь предстояло проверить.

— Когда вы уходили, отец выглядел нормально?

— Совершенно. Стоял, двигался, спорил. Никакого крика, удара, разбитой посуды я не слышал.

— К дому больше не возвращались?

Всеволод выдержал взгляд Клима.

— Нет. Потом дошёл до машины и уехал.

Мезенцев открыл лежавшую рядом справку.

— Телефон подтверждает общую последовательность.

Некоторое время вы оставались в районе посёлка, затем устройство ушло в сторону Москвы. Мы не будем превращать дело в соревнование секундомеров, но вашему рассказу это не противоречит.

— Спасибо хотя бы за это.

— Не благодарите. Телефон просто оказался менее разговорчивым свидетелем.

Всеволод хмыкнул.

Клим вернулся к старой дороге.

— Вы сказали, что в детстве часто ходили к «Сириусу».

— После пожара — да. Все ходили.

— Хотя взрослые запрещали?

— Именно поэтому и ходили.

Мезенцев кивнул.

— Вот наконец мотив, который не требует экспертизы.

Даже Всеволод усмехнулся.

— Там долго оставался обгоревший фундамент, кусок стены, металлическая лестница, яблони. Первые месяцы мы рассказывали друг другу всякую ерунду про проклятое место. Потом надоело.

— Ваш отец не любил, когда вы туда ходили?

Улыбка исчезла.

— Нет. Он злился сильнее, чем я тогда понимал.

— И вскоре выбросил ваш телескоп.

Всеволод посмотрел на Клима.

— Вы всё-таки считаете, что пожар связан с убийством?

— Я считаю только то, что могу подтвердить. Ваш отец снова заинтересовался старым посёлком незадолго до смерти. На его столе лежала схема этих домов. Этого достаточно, чтобы проверить прошлое.

— А недостаточно?

— Чтобы решить, что именно прошлое его убило.

Всеволод некоторое время молчал.

Потом медленно кивнул.

— Наверное, впервые за эти два дня мне нравится ваш ответ.

— Не привыкайте. Следствие вообще плохо приспособлено для того, чтобы нравиться.

На этом разговор закончился.

Всеволода отпустили.

Когда дверь закрылась, Мезенцев некоторое время смотрел на пустой стул.

— Так значительно лучше.

— Что именно?

— Вчера у нас был подозреваемый, который зачем-то приезжал в посёлок, лгал и оставлял следы под окном. Сегодня есть человек, который подошёл к дому, услышал отца живым, потом полез через забор и собственными ногами объяснил половину декораций места преступления.

Клим собрал фотографии.

— Половину — возможно.

— Следы его. Забор, скорее всего, его. Ветка тоже. Окно при нём закрыто. Версия красивого побега убийцы через сад переживает тяжёлые времена.

— И правильно.

Мезенцев посмотрел на него.

— Сейчас будет «но».

— Окно всё равно кто-то открыл позже.

— Я знал.

— Это не возражение. Просто остаётся факт без объяснения.

— Его мог открыть сам Ромашин.

— Мог.

— Или человек, который был с ним.

— Тоже мог.

Мезенцев вздохнул.

— Как приятно работать с руководителем, способным одинаково уверенно подтвердить две противоположные версии.

— Я не подтвердил ни одной.

— Вот поэтому и приятно.

Телефон на столе зазвонил.

Мезенцев посмотрел на экран.

— Архив.

Он ответил.

Разговор продолжался недолго. Сначала Савелий слушал, затем придвинул блокнот и быстро записал несколько строк.

— Повторите фамилию... Да. И год изменения... Понял.

Пришлите полностью, вместе с приложениями.

Он отключился.

Клим ждал.

— Есть что-то по участку Керна?

— Есть. После пожара участок действительно менял границы. Причём дважды.

— Когда?

Мезенцев посмотрел в записи.

— Первый раз почти сразу после оформления наследственных вопросов. Второй — через несколько лет. Тогда

часть земли присоединили к соседнему участку.

— Чьему?

— На тот момент он принадлежал компании, связанной с Тарлецким.

Клим взял блокнот.

Вот теперь старая история получила не воспоминание и не чьё-то уклончивое объяснение.

Документ.

— Кто оформлял изменение?

— Полного дела ещё нет. Сейчас пришлют. Но в архивной карточке указан представитель по доверенности.

— Ромашин?

— Нет.

Мезенцев посмотрел на него.

— Касьянов.

Клим медленно положил блокнот на стол.

— Когда именно?

— Не пятнадцать лет назад. Позже, когда Касьянов уже работал с Ромашиным.

До сих пор Касьянов существовал почти исключительно в современной части дела.

«Арден Групп».

Переводы.

Связанные компании.

Человек, выполнявший его поручения.

Теперь его фамилия впервые появилась в документах, от-

носящихся к бывшему участку «Сириуса».

— Кажется, наши две дороги всё-таки пересекаются, — сказал Мезенцев.

— Пока в одной фамилии.

— Тебе мало?

— Для запроса документов — достаточно. Для вывода — нет.

Мезенцев усмехнулся.

— Вчерашняя астрономия явно пошла тебе на пользу.

Клим уже открыл на телефоне фотографию листа, найденного возле тела.

Семь точек.

Выделенный «Сириус».

Зачёркнутая отметка.

Во время первого разговора Касьянов посмотрел на этот рисунок и сказал, что никогда его не видел и ничего похожего не помнит.

Если он действительно оформлял изменение границ бывшего участка Керна, это ещё не означало, что он видел именно такую схему.

Но теперь это можно было проверить.

Клим закрыл фотографию.

— Запрашивай всё дело по земле. Не выписку — полностью. Доверенность, приложения, старый и новый планы, переписку.

Мезенцев взял телефон.

— А Касьянова?

— Пока не трогаем.

— Опять?

— Особенно теперь.

Савелий посмотрел на него и понял.

Если Касьянов солгал о старой схеме, лучше было сначала выяснить, что именно он должен был помнить.

А если не солгал — тем более не стоило заранее объяснять ему, какую связь они ищут.

Мезенцев набрал номер архива.

Клим снова открыл фотографию семи точек.

Вчера возле фамилии Касьянова стояли деньги.

Сегодня рядом с ней появился «Сириус».

И впервые с начала расследования Клим не был уверен, что это две разные линии.

ГЛАВА VIII

Жена, которая знала больше

«В долгом браке тайны не всегда означают недоверие. Иногда они означают только то, что каждый оставил другому право на закрытую дверь.»

К дому Ромашиных Клим и Мезенцев приехали после полудня.

Посёлок при дневном свете выглядел совсем иначе, чем в

ночь убийства.

Исчезли дождь, полицейские фонари, мокрые следы возле окна. Дорога подсохла, на ветках ещё держались крупные капли, а за высокими заборами снова начиналась обычная загородная жизнь. Где-то работала газонокосилка, возле соседнего дома разгружали продукты, вдалеке коротко лаяла собака.

Только дом Глеба Ромашина оставался чужим этому спокойствию.

У ворот всё ещё стояла машина сотрудников управления. Нелли Шафран открыла почти сразу.

— Лидия Марковна ждёт вас в гостиной.

— Как она? — спросил Клим.

Нелли посмотрела на него так, словно вопрос был слишком простым.

— Мужа убили два дня назад. Наверное, примерно так, как и должна чувствовать себя женщина в её положении.

Мезенцев кашлянул.

— Исчерпывающе.

Нелли перевела взгляд на него.

— Я стараюсь экономить ваше время.

— Тогда мы с вами прекрасно сработаемся.

— Не уверена, что мне это понадобится.

Она ушла в сторону кухни.

Мезенцев проводил её взглядом.

— Мне кажется, я ей нравлюсь.

— Не обольщайся. Она просто ещё не решила, насколько сильно.

Лидия Ромашина сидела у окна гостиной.

За два дня она словно стала старше. Не внешне — лицо оставалось ухоженным, движения точными, одежда безупречной. Изменилось другое: исчезла та собранность, которая в первую ночь казалась почти холодностью.

Теперь Клим видел, сколько усилий ей стоила эта собранность.

На столике стоял чайник, три чашки и небольшая тарелка с печеньем.

— Я решила, что сегодня разговор будет долгим, — сказала Лидия. — Нелли утверждает, что следователи питаются только кофе, но я не думаю, что это полезно.

— Нелли склонна преувеличивать наши профессиональные недостатки, — сказал Клим.

— По-моему, она просто перечисляет их.

Мезенцев сел в кресло.

— Наконец в этом доме появился человек, который оценивает нас объективно.

Лидия едва заметно улыбнулась.

Это было первое подобие улыбки, которое Клим увидел у неё после убийства.

Он не стал сразу доставать блокнот.

— Вчера мы разговаривали с Всеволодом.

Улыбка исчезла.

— Я предполагала.

— Он рассказал о вашей встрече вечером в понедельник.

Лидия некоторое время смотрела на Клима.

— Значит, всё-таки рассказал.

— Не сразу.

— Это похоже на моего сына.

— Он утверждает, что вы встретились возле старой водонапорной башни.

— Да.

— Почему не здесь?

Лидия взяла чашку, но пить не стала.

— Потому что я не хотела, чтобы Глеб видел нашу встречу.

Ответ прозвучал спокойно.

— Из-за завещания?

— Из-за того, что я собиралась говорить с сыном о завещании мужа.

Она поставила чашку обратно.

— Разница небольшая, но всё-таки есть.

Клим кивнул.

— Расскажите.

Лидия посмотрела в окно.

— За несколько дней до смерти Глеб попросил меня найти одну папку в его кабинете. Его не было дома. Я искала совсем другие бумаги и увидела проект нового завещания.

— Случайно?

Она посмотрела на него.

— Вы сейчас спрашиваете как следователь или как человек, который знает, что жёны иногда читают документы мужей?

— Как человек, которому важен ответ.

— Тогда случайно. Но когда увидела слово «завещание», разумеется, прочитала.

Мезенцев потянулся к чайнику.

— Вот теперь звучит убедительно.

Лидия посмотрела на него.

— Вы бы не прочитали?

— Я оперативник. Мне по должности положено читать чужие бумаги.

— Удобная профессия.

— Иногда.

Клим позволил разговору на несколько секунд уйти в сторону.

Лидия сама вернулась к теме.

— Глеб собирался изменить распределение наследства. Значительную часть имущества передать благотворительному фонду.

— Какую именно?

— Я не считала. Но достаточно большую, чтобы доля Всеволода уменьшилась на несколько миллионов.

— Ваша?

— Почти не менялась.

— Вас это не удивило?

— Нет.

Ответ прозвучал слишком быстро, но не защищённо.

Скорее вопрос действительно казался ей несущественным.

— Почему?

— Потому что у меня есть собственные деньги, собственная недвижимость и доля в нескольких инвестициях. Я никогда финансово не зависела от Глеба.

— Всеволод говорил примерно то же самое.

— Иногда сын всё-таки слушает мать.

— Но вы решили предупредить его.

Лидия медленно кивнула.

— Да.

— Зачем?

Она впервые задумалась над ответом.

— Наверное, потому что знала, как он воспримет это не из-за денег.

— А из-за чего?

— Из-за отца.

Клим ничего не сказал.

Лидия провела пальцем по краю чашки.

— Глеб всю жизнь считал, что лучше других понимает, что им нужно. Это было не высокомерие в обычном смысле. Он действительно хотел помочь. Просто его помощь иногда выглядела как решение, принятое без вашего участия.

— Всеволод это говорил.

— Конечно. Он вырос внутри этого.

— А вы?

Лидия посмотрела на Клима с лёгким удивлением.

— Я взрослый человек. Мне было проще.

— Вы не пытались изменить мужа?

— В первые годы брака пыталась. Потом поняла, что это очень трудоёмкий способ испортить хороший вечер.

Мезенцев поднял чашку.

— Разумный семейный принцип.

— Пользуйтесь бесплатно.

Клим улыбнулся.

— Значит, между вами не было конфликта из-за завешания?

— Нет.

— А у Всеволода?

— Был бы, если бы он поговорил с отцом.

— Но не поговорил.

— Насколько я знаю, нет.

— Он вчера признался, что после встречи с вами всё-таки подошёл к дому.

Лидия резко подняла глаза.

Вот этого она не знала.

— Подошёл?

— К окну кабинета. Оставил там следы. Услышал, что отец с кем-то разговаривает, и ушёл.

Несколько секунд Лидия молчала.

— Поэтому вы снова здесь?

— Не только.

— Вы считаете, что Всеволод мог...

Она не закончила.

Клим покачал головой.

— Сейчас факты скорее говорят о другом. Когда он стоял возле окна, ваш муж был жив. Окно было закрыто. Потом Всеволод ушёл.

Лидия медленно выдохнула.

— Он всегда так делает.

— Что именно?

— Сначала скрывает то, что может выглядеть плохо. Потом удивляется, что выглядит ещё хуже.

Мезенцев кивнул.

— Мы уже познакомились с этой особенностью.

Лидия впервые за разговор взяла печенье, разломил его и положила обратно, даже не попробовав.

Клим заметил движение.

— Вы видели Всеволода после встречи у башни?

— Нет.

— Знали, что он остался в посёлке?

— Нет. Я была уверена, что он уехал.

— Когда вернулись домой?

Лидия назвала промежуток, не пытаясь привязать его к точной минуте. Она вернулась раньше последней части ве-

чера, поднялась наверх и больше мужа не видела.

— Вы слышали посетителей?

— Иногда дверь. Голоса внизу. Но я не прислушивалась.

— Касьянова?

— Знала, что он приезжал. Глеб сказал днём.

— Тарлецкого?

На этот раз пауза была заметнее.

— Арсений мог приезжать без предупреждения.

— Это не ответ.

Лидия посмотрела на Клима.

— Я видела его машину раньше вечером. Потом она исчезла.

— Они с вашим мужем в последнее время общались?

— Редко.

— Почему?

— Потому что их дружба давно перестала быть дружбой в обычном смысле.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.